

ВАСИЛИЙ
ЗВЯГИНЦЕВ

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

ФАЗОВЫЙ ПЕРЕХОД

Том 1.
Дебют

Василий Дмитриевич Звягинцев
Фазовый переход.
Том 1. «Дебют»
Серия «Русская фантастика (Эксмо)»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18306367

*Василий Звягинцев. Фазовый переход. Том 1. «Дебют»: Эксмо; Москва;
2016*

ISBN 978-5-699-87675-4

Аннотация

И вечный бой... Это про них. Про основателей «Андреевского братства» и тех, кто поверил и пошел за ними по мирам, временам и реальностям. Стоило операции на «Земле-2» подойти к своему завершению и группе рейнджеров во главе с Андреем Новиковым и Александром Шульгиным принять решение о возвращении «домой», как выяснилось, что причиной главных катаклизмов были не только и не столько атаки дуггуров, сколько вмешательство таинственной третьей силы. Так что «отпуск» обещает быть кратким и насыщенным – время не ждет, как не ждут и события, запущенные однажды волей тех, кто смог взять на себя, как бы это громко ни звучало, ответственность за судьбу человечества.

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	44
Глава третья	79
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Василий Звягинцев

Фазовый переход.

Том 1. «Дебют»

Иллюстрация на переплете А. Дубовика

© Звягинцев В., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

*Путешественник по времени (будем его так называть) рассказывал нам самые странные вещи.
Г. Уэллс*

Глава первая

Из записок Андрея Новикова

...Сашка спросил меня: «А как там у нас, интересно, с раскладом по времени? Отстаем мы сейчас от реала или обгоняем?» – и я вдруг ощутил такое яркое и отчетливое дежавю! Не вспомню точно, в какой момент и в какой по счету «параллели», но было это уже. Именно так он и спросил, глядя прямо на меня, но словно и мимо, будто поглощенный совсем другими мыслями. И сейчас, как и тогда, я удивился этой отстраненности, как и бессмысленности риторического вопроса. Кто же это может знать? Не придумано еще таких синфазных хронометров-компараторов, чтобы показывали сравнительный ход времени в разных реальностях. Даже Антону с его Замком такое не под силу, насколько мне известно.

– Да какая разница? Ничто нас не лимитирует, – ответил я, глядя на медленно встающие у обреза горизонта мощные кучевые облака, кумулониimbusы они, кажется, по-научному называются. Предвещают обильные ливни, грозы, шквал, град...

Даже и здесь, в мире высочайших биотехнологий, погода никому не подвластна. А в нашем детстве каждая вторая

фантастическая книга повествовала именно о достижениях в области практической метеорологии. Кларк в своих «Чертах будущего», написанных в шестьдесят втором году, полное управление погодой намечал на первое десятилетие нашего теперь уже двадцать первого века.

– Да как сказать, – чуть скривил губы Шульгин. – Не очень бы хотелось мартыновского «Гостя» изобразить¹. В близком, ростокинском будущем мы еще кое-как адекватны, а лет через двести – сильно сомневаюсь...

– Какие-то основания есть к подобным предположениям? – спросил я, отчего-то вдруг почувствовав неприятное внутреннее напряжение. У нас с Сашкой интуиция довольно хорошо развита, но у него – лучше, особенно на всякие пакости. Такой вот природный дар, усовершенствованный долгим общением с Удолиным и совместными с некромантом выходами в астрал.

– Какие могут быть в нашем деле основания? – почти равнодушно спросил Шульгин. – Просто на ум пришло. Ассоциативно. Тот раз, общаясь с дуггурами, на своей, считай, территории, и то проскочили вперед на два месяца. А здесь, в самом логове, бог знает, какие завихрения наличествуют. И связи с «Валгаллой» третью неделю нет...

Связи действительно не было. С самого момента, когда

¹ Имеется в виду Д. Волгин, герой романа Г. Мартынова «Гость из бездны», воскрешенный потомками через две тысячи лет после смерти в конце 1950-х годов (Лениздат, 1962 г.).

Удолин ухитрился выпрыгнуть за борт, образно выражаясь, прихватив с собой Ларису, а я в последний момент вывернулся, удержался по эту сторону рамки. Вместе с «ангелочком». Правильно сделал, как оказалось.

Вообще, тогда тоже получилось как-то странно. Я сейчас на страницах этого дневника, с пером в руке старательно пытаюсь реконструировать события, непосредственно предшествовавшие «приходу полночи»² и самого «первого контакта». Но получается плохо. Даже с помощью непосредственных очевидцев и участников – Шульгина, Росточкина, Антона. Удивительно, но и Антон со своим нечеловеческим в принципе мозгом и спецподготовкой ксенодипломата как-то странно «путался в показаниях».

Опять Ловушки, причем для каждого своя, или просто случилась деформация пространства-времени, наложение нашего поля СПВ на то, что одновременно включили дуггуры, произвело такой эффект?

Нечто похожее, кстати, произошло с моей памятью (или окружающей действительностью), когда при нашей с Сашкой попытке перехода с кавказской дачи в Замок через астрал по методике Удолина Александр с Константином долетели благополучно, а меня то ли на секунду, то ли на бесконечно длинный день забросило в бывший город Ворошиловск, разрываемый между несколькими эпохами.³

² См. роман «Скоро полночь».

³ См. роман «Хлопок одной ладонью».

Тут момент «наступления полночи» тоже оказался связан с присутствием в непосредственной близости от меня того же пресловутого профессора. Он словно катализатором всякой несуразицы подрядился работать. До меня только здесь доходить стало, сколько подобных моментов было, а мы их сопоставить и оценить не удосужились.

Свела нас с ним судьба в тайном узилище Яши Агранова, и градус чертовщины с того момента резко подскочил⁴. (А смешно написалось! То есть подсознательно все, с нами происходившее, помимо Удолина, я расцениваю как «твердую НФ», а стоит в сюжете возникнуть этому мистическому деду, и повествование срывается в банальное фэнтези.)

И в этот раз, теперь это очевидно, как только закончился разгром дуггурского «Дома Советов» и появился «ангелочек», а вслед за ним и Лариса, срочно вызванная с Земли, с Удолиным что-то произошло. Он словно шаманских грибов переел. Запаниковал, начал галлюцинировать и пророчествовать. Хотя только что разговаривал и вел себя вполне разумно. И даже мужественно.

«Вий приближается... Совсем скоро полночь... Часы начинают бить... Пятый удар, кажется...»

– Какая, на хрен, полночь? – возмутился я в ответ на этот бред, сам еще не вполне оправившись от контузии. – Утро в разгаре...

– Это здесь утро, а там...

⁴ См. роман «Разведка боем».

Ростокин собрался направить «ангелочка», которого мы решили использовать как заложника в переговорах с «высочайшими», в портал, ведущий на «Валгаллу», и в этот момент Константин Васильевич, не соблюдая больше никаких правил этикета и субординации, изо всех сил толкнул меня в сторону окруженной сиреневым ободком рамки прохода. Не Ларису толкнул, не пленника – меня!

Я подобного не стерпел. Это что же получается, капитан первым покидает терпящее бедствие судно?

Удолин хоть мужик крепкий, жилистый, но масса у меня побольше и реакция с координацией лучше. Я выставил руку, и ладонь уперлась в твердое. Удивительное дело, снаружи рамки портала пустота, внутри тоже, а сама она (ее светящаяся кромка) твердая, причем не стальной прочности, а будто чуть упругая, ну вот как край тракторной покрышки. От «Кировца». Я еще чуть добавил импульса и пролетел мимо проема, ведущего в броневой отсек «Валгаллы», а Константин так в него и ухнул, как парашютист в самолетный люк. Следом за ним, с интервалом в секунду, Сашка совсем неделикатным толчком двумя руками в часть тела несколько ниже талии буквально вышвырнул Ларису. (Хорошо, если она там приземлится на некроманта, а не на твердую, да еще и уставленную всякими железками палубу).

А Ростокин, которому было поручено препроводить туда же пленника, уже не успел. Канал закрылся сам собой, Левашов ни за что не стал бы без предупреждения отрезать нам

путь к отступлению. Значит, это сделали или силы природы, или хозяева этой Земли – «высочайшие».

Как впоследствии и подтвердилось. Не могли они допустить, чтобы мы их «мальчика» с собой забрали. Да и с нами желали продолжить общение, начатое столь эффективно.

Впрочем, мы и не собирались никуда отступать. Видимой опасности, кроме коричневой, уже рассеявшейся тучи, пока не было, сынок кого-то из «высочайших» вел себя спокойно, с тупым недоумением глядя на происходящее. Похоже, профессор наш как бы ни с того ни с сего панику поднял. Да если б опасность и была, нам что, самим спасаться, торопливо выпрыгивая в портал, а капитана Ненадо с его взводом тут оставить? Они, конечно, ребята на все готовые, знали, куда шли, и выбраться как-нибудь сумели бы. Аскольд знал, как с «медузой» управляться, но неизвестно, смогла бы она долететь до Земли после смерти пилотов.

И вообще не в этом дело – люди на нас, отцов-командиров, полностью полагались, с самого двадцатого года, и вдруг бы мы сбежали, а их бросили...

В итоге остались мы стоять рядом с флигером, напротив полуразрушенного Дома Советов. Шульгин, Ростокин, Антон, я и робот Артем. А также Виктор Скуратов, к подобным «вариантам» нашей жизни до сих пор не привыкший как следует, но дисциплину понимающий. Отчего и просидел все предыдущие бурно-бестолковые минуты, как и было

приказано, на заднем сиденье флигера, даже и не подумав героизировать, как остальные. Логик, что скажешь. Сейчас он вылез наружу и оглядывался по сторонам, заново оценивая обстановку.

Ну и «ангелочек» этот, еще более растерянный и недоумевающий от всего произошедшего – внезапного появления «девушки своей мечты», вдруг случившейся суматохи, похожей на панику, столь же мгновенного исчезновения Ларисы. Он, похоже, и не понял, что означала эта стремительная смена декораций. Да и не до отвлеченных мыслей ему было. Запал сексуальный, Ларисой вызванный, у него пройти не успел. Тога белоснежная и полупрозрачная прямо на голое тело была надета и степень его боеготовности с того ракурса, что я на него смотрел, почти не скрывала.

Помню, мысль у меня мелькнула: «Будь я на месте Ларисы, неужели взаимность бы почувствовал, увидев такой прибор? Скорее, испугался бы...»

Да, честно сказать, и мы в тот момент мало что сообразить успели. Просто у нас привычка к сюжетам с вариациями была, так что для стороннего наблюдателя «лицо сохранили». И инициативу, разумеется.

Там Удолин что-то насчет «их спецназа», идущего за нами, кричал? И про Вия вдобавок. Ну, пусть приходят. Едва ли на нас нечто неразумное, вроде инсектоидов, спустят. Не тот случай. Так что сейчас этот двухметровый красавчик с гиперсексуальностью и нездоровым влечением к чужим жен-

щинам очень нам может пригодиться. Естественно, как заложник.

«Отцы», кем бы они ни были, натаскивающие недорослей на земных девушек, скорее всего, относятся к «сынкам» с подобающей степенью родительской любви. И должны бы ими весьма дорожить, даже и из прагматических соображений – численность «высочайших» наверняка невелика, если даже собственных женщин им для нормального размножения и поддержания генетического разнообразия не хватает.

Только в этом наш шанс, так что на «ангелочка», кроме трех автоматных стволов, был направлен еще и пулемет Артема. Этот ни при каком раскладе не промахнется. Да и Антон на многое способен. Только выглядел как-то... Отстраненно, я бы сказал.

Сашка щелкнул тангетой рации.

– Слушаю, Александр Иванович, – тут же отозвался капитан Ненадо.

– Все видел?

– Больше половины. Лихо вы им вдарили. Наши все целы?

– Целы, целы, – успокоил капитана Шульгин. – Даже пленного взяли. Из самых главных.

– А теперь что? Отступать к нам будете, или я начну выдвигаться?

– Не спеши, Игнат Борисович. Покумекать надо. Связь у нас с Землей отрубилась. И есть предположение, что сейчас еще кое-что начнется. Так что продолжайте наблюдать

по старой диспозиции. И пусть Аскольд с тыла вас прикрывает. Мы тут выяснили – здешние обитатели наших роботов не чувствуют. Так что в случае чего у него преимущество. Думаю, к нам сейчас парламентареры выйдут, поэтому просто смотрите и не вмешивайтесь. Знаешь, вы бы под броню лучше укрылись. Вдруг опять каких-нибудь паукообразных на вас натравят. Но огонь открывайте только в самом крайнем случае. Большой риск недоразумений, сам понимаешь, раз не с людьми дело имеем.

Если с нами вдруг... Ну, сам понимаешь, очевидно и достоверно все произойдет, пусть Аскольд пробует, прежде чем «медузой» займется, с «Валгаллой» по своим каналам связаться. Есть у него специальные. Свяжетесь – доложите Левашову или Воронцову, и дальше по обстановке. Если нас отсюда живых куда-то заберут – ждите. У Артема по-любому с Аскольдом связь сохраняться должна... Понял?

– Так точно, – ответил прошедший две большие войны, не считая «инцидентов», капитан. Без всяких сентиментальных: «Да о чем вы говорите?», «Все будет хорошо» и тому подобных успокоительных формул. – Сделаем, не сомневайтесь.

Последние слова обозначали все сразу. И что по возможности нас поддержат «огнем и колесами», и что отступят в нужный момент, если иного выхода не будет и ретирада окажется возможной.

Шульгин отключился, посмотрел на меня. Я кивнул, все,

мол, верно сказал. Только сейчас-то что делать? Так и стоять посреди бетонки, словно голеньким? На месте хозяев вполне свободно можно отрядить пяток всего лишь снайперов – и нам амбец, а паренька своего получают целым и невредимым. Впрочем, это вряд ли. Что работа никаким пулевым оружием быстро не свалить, хоть земным, хоть монстровской «митральезой», дуггуры наверняка уже в курсе. Он «ангелочка» свободно успеет из «ПКМ» почти в упор на лоскуты порвать. Что-то менее избирательное для освобождения пленника тем более не пригодно. То есть с этой стороны мы сравнительно в безопасности.

Разве только есть у них что-нибудь мгновенно парализующее, но не летальное, или психотронное, как прошлый раз по мне. Еще раз я такого не выдержу. Впрочем, противник об этом не догадывается, по его представлениям, мы куда более резистентны, чем на самом деле, и рисковать не станет. Да и опять же, на андроидов ни газ, ни парализаторы, ни психотроника не действуют.

То есть ситуация в худшем случае патовая. А в лучшем... – Давайте закурим, что ли, – предложил я Сашке и всем желающим. Кроме Антона и анроида, даже Скуратов «зелем поганым» баловался, потянул из внутреннего кармана пенал с сигарой. Он в этом деле был очень разборчив, но Замок смог обеспечить его самые вызывающие запросы. Таких сигар, как там, он ни в одном земном магазине своего времени не видел.

Шульгин приказал Артему посадить «языка» на бетонку, в теньке от флигера, из соображений гуманности, и велел прицела с него не спускать, но стрелять только по прямой команде. Или – если командовать вдруг станет некому...

Закончить фразу он не успел. Прошлый раз «ангелочек» возник как бы из воздуха (а на самом деле момент его появления Шульгин с Ростокиным просто проглядели, занятые более важными делами), но сейчас мы все увидели, как из-за окружавших площадь деревьев, похожих на вековые платаны, выметнулось НЕЧТО.

Со скоростью языка хамелеона полупрозрачное щупальце с чем-то округлым и массивным на конце пронеслось над бетоном и замерло в десятке шагов от флигера. Гофрированная серо-зеленая капсула размером с наш флигер, только поставленный «на попа», раскрылась, как бутон цветка, высадив на бетон еще две фигуры в белом, и столь же стремительно исчезла в зарослях.

Грамотно было сделано, нужно сказать. Если б мы опять смотрели хоть немного в сторону, могли бы этой «процедурой» не заметить. Хозяева вполне разумно опасались, что более медленное их появление могло спровоцировать неадекватную с нашей стороны реакцию. Действительно, высовывается вдруг из леса гигантское щупальце, а за ним кто? Сухопутный кракен немислимых размеров? Или никакое не щупальце, а сапрофитное существо. Типа суперкобры или сколопендры дрессированной. Вот и засадили бы из гравипуш-

ки с перепугу, да и заложника невзначай могли прихлопнуть.

Но это ж какие при таком способе транспортировки ускорения возникают и что там за гравикомпенсаторы установлены? В противном случае пассажирам этого транспортного средства куда хреноее пришлось бы, чем пилоту истребителя при катапультировании.

(Я свои тогдашние мысли и ощущения записываю, чтоб для истории сохранить некую последовательность и стройность повествования, отстраняясь от того, что узнал и увидел позже.)

«Ангелочек», увидев своих, радостно дернулся и попытался вскочить, но тут же получил совсем не деликатный тычок стволом «ПКМа» между лопаток. Наш Артем сейчас функционировал в качестве обычного морпеха-фронтовика, для которого существовали только целесообразность и приказ, для политесов места в его псевдоличности не было.

Я перевел взгляд на гостей. Ну что ж, эти на звание «высочайших» вполне тянут. Разительно отличаются даже от своего пацаненка, не говоря уже о казавшемся совсем недавно весьма представительным Суннх-Ерме.

Такие вполне себе подходящие мужички, чтобы Микеланджело для статуи Геракла позировать. Два – два десятка рост, мускулатура и пропорции, темно-русые волосы крупными завитками, черты лица более чем правильные, тоже в этаким «неоклассическом» стиле, никаких посторонних расовых примесей не заметно. Проще говоря, в нашем биоце-

нозе такой этнотип отсутствует. Практическая генетика пополам с евгеникой налицо. Если, конечно, это опять не видимость, личина, проекция наших представлений об «идеальных существах». Что-то вроде «метagalактиан» из «Гриады» Колпакова⁵. Чтобы, значит, подчеркнуть свое над нами превосходство, играя на архетипах.

И сразу мне пришли в голову дуггуровские как бы антагонисты – аггры. А может, не антагонисты они, а просто продукт более раннего аггрианского творчества на очень давно образовавшейся развилке. У нас из подручного генетического материала суперженщин выводить стали. А здесь – супермужиков. Забавно.

И одновременно – может, они такие на самом деле и есть? Сколько-то там лет реализовывали древние представления о красоте и совершенстве идеального человека. Сказал бы, последователи Ивана Антоновича Ефремова, прилежные читатели «Лезвия бритвы» и «Таис Афинской», если б не разделяли их с нашим классиком сто веков вдоль и бог знает сколько поперек параллельных реальностей. Но предположим, что возлюбленные Ефремовым протогреки имели возможность с этими ребятами когда-то пересекаться, оттуда их эстетические пристрастия, мифы о богах и титанах, о том, как Юпитер и иные олимпийцы тамошних Ио и Европ похищали. Не для совместных же бесед о политике и искусстве стихосложения...

⁵ См. А. Колпаков. Гриада. – М.: Молодая гвардия, 1960 г.

И первый, и второй «парламентеры» (а как иначе их статус определить?) очень были схожи друг с другом, разве что стоявший на полшага впереди не то чтобы выглядел, а ощущался постарше. То ли взгляд более опытный и умудренный, то ли неуловимые чувствами, но воспринимаемые на уровне интуиции различия в идиомоторике. Мало ведь кто не отличил бы генерала от прапорщика, даже будь они ровесниками и одеты в мундиры с одинаковыми погонами.

Как-то так получилось – либо Антон замешкался, то ли я поспешил, но разыгранная перед Рорайма схема субординации в нашей команде сломалась. Я почти машинально шагнул вперед раз, потом второй и остановился. Достаточно, пожалуй.

– Чем обязаны приятностию нашей встречи? – почти на автомате осведомился я. А что, нормальный «заход в козыря». Вопрос как вопрос вроде, но сразу трехслойный тест в нем заключен. И на сообразительность, и на чувство юмора, и вообще на самостоятельность мышления. Не говоря уже о степени владения языком и умении «читать в мыслях» или хотя бы правильно эмоции чувствовать.

– Мне кажется, это должно быть очевидно, – глубоким баритоном с бархатными обертонами ответил первый, явно оставляя в стороне всякие словесные и умственные игры. Слишком озабочен судьбой «ангелочка»? Не папаша ли, часом? А почему бы и нет?

– Вы можете опустить свое оружие... – продолжил он.

Как-то неотчетливо прозвучало: то ли вопрос, то ли предложение.

– А мне неочевидно первое, а тем более второе, – с достаточной (на мой взгляд) степенью равнодушия отозвался я. – Если вы прибыли для переговоров, то следует сначала представиться – имя, звание, должность, кем и на что именно вы уполномочены, после чего переходить к сути дела. Иначе... Иначе мы по-прежнему воспринимаем вас как неприятеля, только что предпринявшего очередную неспровоцированную агрессию, ответственность за последствия которой целиком ложатся на вас. И оставляем за собой право...

Какое именно, я уточнять не стал. Сказано достаточно, теперь пусть выкручивается.

– Вы должны прежде всего отпустить этого юношу, – будто не услышав моих слов, сказал этот самый, сохраняющий инкогнито.

– Не вижу оснований. Он вполне попадает под категорию военнопленного, ибо появился на «поле боя», каковым тогда, несомненно, являлась площадь, с неизвестными, но едва ли дружественными целями. Мы только что отразили налет, явно имевший целью наше уничтожение, так что руки у нас развязаны. Тем более «юноша» сам только что подтвердил, что и раньше принимал участие в вооруженных вторжениях на Землю.

– Он сказал неправду. На вашей Земле он не был ни ра-

зу...

– Слушай, дядя, – перебил нашу забуксовавшую беседу Шульгин. – Хватит трепаться, если ты понимаешь, что я имею в виду. Или мы начинаем деловой разговор, исходя из текущего статус-кво, как высокие договаривающиеся стороны, со всем протоколом и политесом, или мы покидаем это малогостеприимное место, прихватив с собой вашего паренька. А можем и вас за компанию. Иных вариантов ноль. Так чтобы мы погибли, а вы выжили. Нам терять, сами понимаете, нечего. Можем и ядерное оружие применить... Вы хорошо улавливаете смысл моих слов? Переводчик не требуется?

Это Сашка уже вчистую блефовал. Но им-то откуда знать пределы нашей безбашенности? Кое-какие демоверсии уже видели.

– Хорошо, – не меняя интонации, представитель «высочайших» легко сменил позицию. – Давайте разговаривать на ваших условиях. Не думаю, что это что-то изменит, но давайте...

Русским он владел превосходно, если только не выхватывал словесные конструкции прямо из моей памяти, причем именно такие, что должны были показаться мне самыми подходящими и уместными.

Возможно, для походных «Записок о галльской войне»⁶

⁶ «Записки о галльской войне» – сочинение Ю. Цезаря о завоевании Галлии в 58-50-х гг. до н. э. Считается образцом художественного стиля классической

я сейчас уделяю внимание слишком уж незначительным деталям или демонстрирую собственную способность к углубленным рефлексиям в столь напряженный момент? Нет, я отнюдь не стараюсь в своих заметках показать себя в выгодном свете, мне это просто ни к чему: посмертная слава меня интересует мало, а публиковаться прижизненно намерений нет.

Другое дело, для последующего анализа случившегося, выявления очередных нестыковок и прорех в ткани реальности тщательная фиксация незначительных на первый взгляд деталей очень даже необходима. Не могу не вспомнить путешественников и естествоиспытателей прошлого. Их методичность, скрупулезность и внимание к подробностям внушают уважение, хотя порой навевают скуку. Взять хотя бы тот же «Фрегат “Паллада”» Гончарова. Конецкий, к примеру, гораздо увлекательнее, но в точности и обстоятельности описания деталей, казалось бы – самоочевидных, наверняка проигрывает. Такие книги хорошо читать в одиночном заключении, чтобы соседи не мешали и на работы вертухаи не выгоняли. Поскольку в Шлиссельбург меня не заточали, лично у меня терпения хватило продираться через авторское многословие и многомыслие только до второй сотни страниц.

Но это тоже к слову.

Я обратил внимание, с каким интересом вслушивается в

наш диалог Скуратов. Ну и правильно, он – специалист по нечеловеческим логикам, наверняка уловит что-то такое, чему я, скорее всего, не придам значения.

– Тогда, пожалуй, нам лучше будет перейти вон туда, – вступил Антон и указал рукой на некое подобие «китайского павильона» по правую сторону от полуразрушенного «Дома Советов». Там началось какое-то шевеление аборигенов. Разбор завалов, поиски пострадавших и все сопутствующие обстоятельства телодвижения. А сам павильон или беседка располагался очень для нас удобно. Во-первых, в тени громадных пробковых дубов, в несколько раз превосходящих высотой и толщиной те, что я видел на нашей Корсике в предыдущей жизни. Кое-какая прохлада гарантируется без всяких кондиционеров, а на открытом месте стоять было не только жарко, но и глупо, с какой угодно точки зрения.

Во вторых, там мы окажемся целиком в поле зрения нашей группы прикрытия и достаточно удалимся от места, где в зарослях скрывалось то, что выбрасывает щупальца. Оно, конечно, может, и безвредное, не более чем транспортное средство, но лучше держаться подальше от всего, что внушает опасение. Сработает еще раз и высадит с той же скоростью взвод «монстров» или стаю насекомых. Не успеем и стволы вскинуть.

«Хозяева», переглянувшись, но не обменявшись ни словом, через несколько секунд утвердительно кивнули. Не из болгар, значит, те, как известно, в случае согласия вертят го-

ловой слева направо и наоборот.

В беседе было довольно мило, это свидетельствовало о том, что аборигены не чужды эстетических изысков, тяги к дизайну и комфорту. Все деревянное, точнее – растительное, причем явно живое, не из мертвых досок сколоченное – восьмиугольный низкий стол, плетеные кресла неповторяющихся форм, арки, образованные лианами с листьями всех оттенков зеленого, я даже затрудняюсь эти оттенки назвать, многие видел первый раз в жизни.

Сразу вспомнилась давняя, шестидесятых годов повесть Мирера «У меня девять жизней», где наши тогдашние современники тоже попадают в параллельную реальность со стопроцентно биологической цивилизацией. Я читал ее в «Знание – сила» на первом курсе института. Воистину, или хорошие фантасты действительно провидцы, или прав Ефремов и число вариантов прогресса, биологического и социального, крайне ограничено. Природа, как мы ее воображаем, или нечто совсем другое, но носящее то же имя, манипулирует набором стандартных элементов, из которых при всем желании не соберешь ничего принципиально нового.

Тот же и Лем, если разобраться, даже в своем «Эдеме» не ушел сильно далеко от того, что и на Земле вполне возможно, пусть и под несколько другим соусом. А уж как старался. Относительно оригинальными у него только «двутелы» получились.

Воистину прав Екклесиаст: «Бывает нечто, о чем говорят:

«смотри, вот это новое», но это было уже в веках, бывших прежде нас».

Расположились с возможными удобствами. Ростокин посадил стокилограммового «ангелочка» у дальнего торца павильона, спиной к лесу, чтобы Аскольду или кому-то из офицеров было удобнее держать его, да и обоим парламентаров на мушке. С их позиции наше местоположение должно быть видно, как на ладони. Сам Игорь сел, отстранившись метра на два, чтобы не мешать снайперу, положил автомат на колени, стволом в бок пленнику, палец на спуске.

«Высочайшим» предложили места напротив, тоже в зоне, максимально открытой для обстрела, не знаю уж, догадались они об этом или нет. Возможно, тактические навыки на уровне инстинктов у них отсутствуют за ненужностью, и нашим ухищрениям они значения не придали.

Артем занял позицию прикрытия метрах в десяти от беседки со стороны площади, получив идеальные сектора обстрела во всех угрожаемых направлениях.

Мы, то есть Сашка, Антон, Скуратов и я, разместились у боковых граней стола, ближе к аборигенам, попарно «одесную и ошую»⁷ от них.

Специально не спеша разложили перед собой курительные принадлежности, как это было принято в старые времена, когда в присутственных местах и даже институтских аудиториях дымить не возбранялось. Не студентам, конечно,

⁷ То есть по правую и левую руку (*старорусск.*).

преподавателям и вообще начальству. На экзаменах, например. Тем более что небрежно открытый портсигар и как видеокамера работает, и в качестве оружия весьма неплох.

– Ну-с, приступим, наконец? – полуспросил-полупредложил я, щелкнув зажигалкой. – Повестку вы предлагаете?

– Для чего все это? – неожиданно спросил второй парламентар, до того молчавший. Чем-то он показался мне несколько симпатичнее своего коллеги. Может быть, выражением глаз?

– То есть? – тут же осведомился Скуратов. Я ему одобрительно кивнул. Мол, контролируй беседу и вмешивайся, если сочтешь нужным. У нас тут субординация ни к чему, сплошная коллегиальность.

– Вы очевидным образом разыгрываете какой-то спектакль. Рассчитываете таким образом воздействовать на нашу психику? Сколько времени потратили, а ни на шаг не продвинулись...

– Вас время лимитирует? – быстро спросил Сашка, и сразу после него Антон:

– А у вас тоже существует театр, драматургия, спектакли? И что обычно ставите?

– Это вы старательно воздействуете на нашу, – добавил я. – С самого момента встречи. Мы привезли вашего сотрудника, с его помощью довели до сведения господина Сун-нх-Ерма свои исключительно мирные намерения, и что получили взамен? Я искренне надеюсь, что никто из ваших лю-

дей не пострадал во время нашей вполне правомочной необходимой обороны...

Оба парламентаря сразу сделали рукой одинаковый жест, вполне понятный, очевидно-пренебрежительный, хотя в нашей системе невербальных коммуникаций и не существующий, – нечто вроде «О чем вы говорите? Судьба этих нас ни в малейшей степени не интересуется».

Это хорошо. Значит, культурно-цивилизационные различия между нами и здешними «высочайшими» не зашли слишком далеко. То, что они могут осмысленно говорить по-русски, – одно, а вот то, что жестикуляция, обычно произвольная, конгруэнтна, можно сказать, – гораздо более значимый факт.

В принципе это нас тогда обрадовало – ну, значит, пресловутые дуггуры все-таки люди, как бы далеко мы с ними ни разошлись на протяжении скольких-то тысячелетий. А все наши конфликты с их «эффекторами» – именно что «эксцессы исполнителей». Отправь, что называется, дурака богу молиться... Не вникали просто ребята в то, что там их итакуатиара, тапурукуара, урарикуэра и прочие вытворяют на сопредельных территориях. Ну, к примеру, как руководство метрополии, послав сатрапа с вооруженным отрядом в отдаленную колонию, интересуется только результатом, доводимым в письменном виде и в виде добытых материальных и культурных ценностей. Если претензий не возникает, то какая разница, что там на самом деле происходит?

Такое вот самоуспокоительное объяснение. Весьма свойственное русскому человеку. Государь в творящихся на местах безобразиях неповинен, и если ему все правильно доложить, он тут же наведет порядок. Хорошо хоть, мы подавали свою «челобитную» с позиции силы. Пока.

Похоже, это наконец дошло и до «принимающей стороны». Все ж таки мы очень показательно разгромили их «Дом Советов», разогнали насланные на нас темные, вернее, коричневые силы. И демонстрировали сейчас полную готовность не останавливаться ни перед какими предрассудками. В конце концов, между нашими реальностями не существовало никаких дипломатических отношений и уж тем более конвенций о правилах ведения военных действий и об отношении к военнопленным.

Очевидно, что эти вот господа, назначенные парламентами, весьма глубоко знакомы с нашими порядками и образом жизни, раз свободно владеют языком и весьма специфической терминологией. Но в то же время это знание никоим образом не мотивирует их к установлению нормальных отношений с нашей Землей или хотя бы лично с нами как ее представителями.

То же самое понял и Скуратов, сказавший вдруг вполне в унисон с моими мыслями:

– Не обольщайся, Андрей. Они еще меньше склонны (или способны) видеть в нас равноправных партнеров, чем американцы в индейцах или британцы в зулусах. А знание язы-

ка совершенно ничего не значит. Сболтнул же этот «малец», что они воруют женщин с Земли для улучшения собственной породы. И очень может быть, что преимущественно русских. Гораздо ведь проще для общения с наложницами один раз выучить их язык, чем каждую заново обучать своему.

– Тем более что знание рабынями языка «господ» представляет собой определенную опасность, – добавил Сашка.

Этот обмен мнениями происходил, причем заведомо специально, в присутствии парламентаров. Я правильно понял идею Виктора. Еще раз подчеркнуть преимущества нашей позиции. Мы, мол, можем себе позволить не скрывать своих мыслей и не выбирать выражений, поскольку не допускаем иного варианта, кроме как безоговорочной капитуляции со стороны неприятеля.

– Слушай, Антон, а ты сумеешь продемонстрировать этим ребятам, – я подбородком указал на дуггуров, – свои способности «высочайшего»? Хоть на минутку их «оглушить», как Урха?

Парламентары настороженно переглянулись. Похоже, знали, что имеется в виду, и слегка перепугались, не представляя истинных границ наших возможностей. Факт ведь имел место, что любую их выходку, направленную против нас, мы парировали с той или иной степенью превосходства. Так что опасаться еще какой-то пакости с нашей стороны имелись все основания. Да и наведенные стволы свое влияние оказывали. И гравипушка наверняка произвела впечатление, тем

более что они не знают об исчерпанности нашего боезапаса. Зато наверняка знают о нашем боевом отряде, расположившемся всего в полукилометре отсюда. И хоть приблизительно, но представляют его боевой потенциал.

– Хорошо, мы согласны вести переговоры, как вы хотите, без предварительных условий. Но предупреждаем, что если вы причините нам вред, то и сами отсюда живыми не уйдете.

– Вас это должно утешить? – тут же съязвил Скуратов. – Насколько мы поняли, вы настолько дорожите своими конкретными жизнями, что абстракция посмертного воздаяния «обидчикам» никак не компенсирует их потери. Или вы верите в чудо воскрешения или хотя бы реинкарнацию? Если сия тайна вам известна, тем более – с сохранением памяти о предыдущем воплощении, мы готовы очень хорошо за нее заплатить. И воевать больше не придется...

Шульгин тут же чуть омрачил перспективы обозначившейся идиллии:

– А если с вашей стороны какое-нибудь хамство все же последует, вы перед собственной кончиной сумеете еще полюбоваться, что с вашим «мальчиком» сделает пулеметная очередь в упор. Ваши последние минуты будут весьма омрачены зрелищем его безвременной и бессмысленной кончины.

И выразительно посмотрел в сторону Ростокина. Тот слегка пошевелил пальцем на спусковом крючке автомата, направленного в правый бок потерявшего весь свой недавний

блеск «ангелочка». Выглядел он как в воду опущенный и, пожалуй, прикидывал, какие кары его ждут даже при благополучном разрешении текущей ситуации. Как говорится, не за то бьют, что воровал, а за то, что попался.

И черт их знает, что этому пацану может грозить. В царское, допустим, время за многие провинности блестящего гардемарина из «очень хорошей семьи» могли выгнать из Морского корпуса без права поступать в какие-либо привилегированные учебные заведения Империи. По тем временам – натуральная жизненная катастрофа, причем для всей фамилии.

Наша вызывающе нахальная тактика подействовала, и партнеры решили, что хватит валять дурака, пора переходить к конструктиву. Что-то там у них в мозгах переключилось, дошло наконец, с очень большим запозданием – не с теми связались. Им просто никогда раньше не приходилось контактировать с людьми на таком уровне. С позиции заведомо проигрывающей стороны.

Как и следовало бы с самого начала, парламентареры наконец представились. Одного звали Анказуабу, второго – Марувату. Их пацана – Анцухи. Тем самым подтвердилось предположение, что они и Шатт-Урх с братьями по страте принадлежат к совершенно разным расам или, хотя бы – к культурно-языковым группам. «Высочайшие», как мне показалось, могли бы происходить от каких-то южноафрикан-

ских, возможно – протомальгашских племен, тех же дагонов, а «мыслящие» или «полуразумные», по терминологии Удолина – это, скорее, что-то вроде протосемитов или даже древних египтян, настоящих, а не арабских. Хотя фенотипически тут выходила полная ерунда. Удостоившие нас внимания «высочайшие» больше всего напоминали, как я уже отмечал, без помех эволюционировавших древних греков или даже этрусков, описанных Ефремовым. Или – наше о них представление!

Впрочем, в тот момент это было не так уж важно, в деталях мы начали разбираться гораздо позже.

Но в целом классификация Константина Васильевича оказалась очень близка к истине. И тот и другой на самом деле были «настоящими людьми» в том смысле, как мы это понимаем, подлинными хозяевами, а также и творцами здешнего... не знаю, как лучше и выразиться – мироустройства, что ли. Потому что просто цивилизацией это назвать было трудно. Тот же Александр Мирер в своей повести назвал нечто подобное Равновесием. Можно еще назвать это особым типом биогеоценоза.

На всей «второй Земле» этих «высочайших» насчитывалось всего несколько миллионов. Далеко даже до «золотого миллиарда». Зато устроили они себе вполне комфортную жизнь. Хотя, на наш взгляд, до безумия скучную и бессмысленную. Но об этом – дальше.

А тогда разговор пошел таким образом.

Парламентеры принесли достаточно сдержанные извинения за случившийся «инцидент», так они представили устроенную нам «торжественную встречу». Их собственной вины или злого умысла, по их мнению, здесь не было. Все по-прежнему не более чем «эксцесс исполнителя». Рорайма, которые, в сущности, на самом деле были верховным органом здешней как бы «исполнительной власти» (так много кавычек приходится ставить, что все это очень приблизительные термины, достаточно условно отражающие подлинный смысл существующих учреждений и установлений), для всех низших, но обладающих какой-то «интеллектуальной составляющей» сословий отреагировали на наше появление в соответствии с заложенными в них инстинктами. Как мы и предполагали на основании имевшейся информации, полученной от дагонов, Шатт-Урха и собственных домыслов, система этих инстинктов была настолько разветвленной и почти всеобъемлющей, что полностью заменяла девяноста процентам человекоподобного населения планеты то, что мы называем разумом.

Это вообще очень интересная тема – соотношение приспособительной ценности разума и инстинктов. По сути – у себя, на своей Земле мы имеем почти то же самое. Особенно в странах ислама и так называемой западноевропейской (она же иудеохристианская) цивилизации.

Если разобраться – весь набор религиозных предписаний, обычаев, правил поведения, так называемого «права»

во всей его широте, «понятий» в комплексе по степени воздействия на среднего индивидуума не сильно отличается, точнее – очень немного не дотягивает, чтобы получить право называться безусловными рефлексами и теми самыми инстинктами. Запреты, например, на употребление вина, свинины, запрет переходить улицу на красный свет светофора, схемы сексуального поведения, даже новомодная пока еще «политкорректность», вера в так называемую «демократию» и «права человека», адаты и законы шариата очень многими уже не рефлексуются, а реализуются почти бездумно.

Не так уж много усилий требуется, чтобы с помощью генной модификации перевести все это на уровень подкорки, а освободившееся в коре место заполнить всякими полезными навыками и умениями, не оставив свободных зон для независимой мыслительной деятельности.

Вся разница в том, что мы до этого порога все же пока не дотягиваем, и резкое изменение условий окружающей среды заставляет (но и тут далеко не у всех) включаться независимые от стереотипов мыслительные структуры. Однако, как например, у среднего «европейца», это переключение происходит слишком поздно. Не зря придумана присказка: «Поздно пить боржоми...»

Когда мы там немного обжились и получили возможность заниматься хотя бы самыми поверхностными научными изысканиями, я, вспомнив свое исходное образование,

по мере изучения разных страт «общества» дуггуров гораздо лучше (вернее – правильной) начал оценивать и многие аспекты истории нашего человечества. Эволюционировавшего якобы не биологически, а социально-технически.

Отчего, к примеру, так называемый коллективный «Запад» на протяжении всего Нового и Новейшего времени столь антагонистичен цивилизации русской?

Можно сказать, что на нашей линии ГИП произошло то же, что несколько раньше, приблизительно на уровне позднего неолита, разделило нас, «сапиенс сапиенсов» и дуггуров. Предки индоевропейцев пошли по пути механистическому, увлеклись строительством первых городов – Ура, Сидона, Вавилонa, ирригацией начали заниматься, орудия труда совершенствовать. А дуггуры – путем прямо противоположным.

Я даже готов допустить, что каким-то образом (или с чьей-то помощью, да хоть тех же и форзейлей) произошло разделение и генетического материала. То есть особи, более склонные к развитию технологий, – направо, гуманитарии и «юные натуралисты» – налево. Ничего в этом необычного и сложного нет. Похожее устройство земной (превратившейся в Галактическую) цивилизации описал Азимов в рассказе «Профессия».

А протославяне оказались какими-то уникамами. Физически попали на этот берег, а душой во многом остались на том. И ничего прошедшие века с этой дихотомией сделать

не смогли. Близкие к нам по духовному устройству особи на этой Земле – два как раз и составили с течением времени клан (или, точнее – уже биологический вид «высочайших»). Прочие же послужили материалом для формирования каст – «мыслящих», «полумыслящих», «пятерочников» и так далее, по нисходящей.

Я позже еще вернусь к этой теме. Но главное именно в том, что и «высочайшие» очень быстро уловили это самое родство. И дальше мы начали понимать друг друга почти без затруднений.

Но сначала я закончу ту, как бы саму собой пришедшую в голову мысль. Мы, славяне, сильно уступая «правильным европейцам» в обстоятельности и приверженности к Ordnung и Закону, безусловно, превосходим их способностью к безболезненной смене парадигм и так называемым гениальным озарениям.

Арабы, кстати, тоже достаточно долго обгоняли европейцев за счет этих самых озарений. В математике «ноль» придумали, в астрономии блистали, пока телескопов не было, в медицине столько всего интересного понаоткрывали – и «по нулям», извиняюсь за каламбур. А все оттого, что не сумели эти свои природные способности наложить на европейский научно-материалистический подход. Зато мы – сумели. Отчего и ухитряемся и в научном прогрессе до сих пор лидировать, и в нравственном смысле у большинства человечества авторитетом пользуемся. По крайней мере, русский человек

свободно адаптируется в любом человеческом сообществе, хоть Миклухо-Маклай среди папуасов, хоть наш современник на Брайтон-Бич и в Силиконовой долине.

Оттого «цивилизованный Запад» в лице своих креативных представителей, тоже на подкорковом уровне, сути и смысла нашей цивилизации не понимает и опасается инстинктивно, не задумываясь о причине. Так муравьи из чужого муравейника воспринимаются врагами безусловными, с которыми даже на уровне феромонов взаимопонимание невозможно.

«Великие умы – основоположники единственно верного учения» – Маркс с Энгельсом в полной мере это продемонстрировали. В своих не популяризируемых у нас, но и не запрещенных отчего-то трудах они весьма доходчиво объяснили, что русские – не совсем люди и «мировое коммунистическое движение» должно их использовать только как запал для мировой смуты, а когда коммунизм победит, то этим «недочеловекам» будет указано их истинное место. Ленин и Троцкий говорили это не столь прямолинейно, все же учитывали, на каком языке и для чего с народом общаются, но поступали в полном соответствии с «всесильной теорией». Тоже, наверное, ощущали свое родство с низшими дуггурами.

А законы биологии – от них никуда не денешься. Потому и невозможно заставить русского человека жестко подчиняться нормам и правилам, какими бы «правильными» и «об-

щечеловеческими» они ни казались. Те же немцы за шесть всего лет практически стопроцентно восприняли гитлеризм как «единственно правильное», а главное – крайне выгодное непосредственно для «расово-чистых» германцев учение и образ жизни, а русские за семьдесят лет так и не уверовали по-настоящему в «научный коммунизм». Не совпал он по фазе с русской натурой. И тезис, что «суровость российских законов значительно смягчается необязательностью их исполнения» – чисто наш, к англосаксам и немцам (вообще к большинству наций, сформировавшихся в сфере притяжения Западной, а не Восточной Римских империй⁸) неприменимый.

Однако вернусь чуть назад из этих эмпиреев.⁹ Наше появление в компании Шатт-Урха и первые же слова и поступки сработали как гранатный запал «УЗРГм», попали в те сторожевые пункты «мыслящих», что немедленно включили систему опознавания «свой – чужой». Этого мы, конечно, не учли. В чем есть вина как раз Удолина, убеждавшего нас, что он научился контактировать с «полумыслящими», не до

⁸ После 476 г. н. э. Единая Римская, уже христианская, Империя распалась на Западную, феодально-раздробленную, и Восточную, единую, с центром в Константинополе (Византия). На Никейском соборе 1054 г. произошло официальное разделение и христианства на западное (католическое), и восточное ортодоксальное (православное).

⁹ *Эмпирей* – по космогоническим представлениям древних греков, наиболее высокая часть неба, наполненная огнем и светом.

конца поняв разъяснения Шатт-Урха о разнице между кастами, хоть и относящимися к привилегированным, но далеко не равными по статусу и функциям. Пожалуй, и сам Шатт-Урх этого до конца не понимал. Для индуса позапрошлого века все «белые» – саибы, а для английского офицера лондонец же, но рядовой – во многом ниже джайпурского махараджи. По крайней мере, сыновей махараджи принимали в Кембридж или Сандхерст, а детей уроженцев «лондонского дна» – никогда.

Проще говоря, наш профессор, как неопытный сапер, не смог сообразить, что «мина установлена на неизвлекаемость».

И то, что произошло дальше, – просто соответствующая реакция здешней системы. Константин Васильевич, к его чести, раньше нас почувствовал угрозу, только истолковал ее не совсем верно, и до нас не сумел быстро и грамотно довести. Что поделат, фрилансер, в армии не служивший.

Тут опять не могу не обратиться к литературным источникам. К лемовскому «Непобедимому». И «туча», и «коричневые одеяла» – некие аналоги Ловушек Сознания. В «охраняемой зоне» появилось нечто, демонстрирующее «ненадлежащее поведение», следовательно – нуждающееся в нейтрализации. Нас отнюдь не собирались немедленно уничтожить. Нас требовалось просто «инактивировать» и предоставить для дальнейшего изучения и принятия «управленческого решения» на следующих уровнях системы.

Пацан Анцухи на несколько минут раньше, практически случайно, уловил прошедший сигнал тревоги, как раз когда «туча» была нами рассеяна, а Рорайма выбросили в «эфир» волну весьма специфической паники. «Ангелочек» идентифицировал оказавшиеся в их ноосфере характеристики нашего мыслефона, проассоциировал с тем, что было зафиксировано возле дагонских пещер, прежде всего – как знак того, что теперь уже в их мире появились те, у кого столь привлекательные «самки», и решил опередить всех. Рассчитывая, что ему лично что-то с этого обломится. Ну и возник. Получилось, что не в то время и не в том месте.

Спецподготовки он еще не проходил, не знал, чем такие самодеятельные эскапады подчас заканчиваются. Вроде как в байке про охотника, что «поймал медведя».

– Вы не должны на нас обижаться и спокойно можете убрать свое оружие. Вам здесь ничего больше не грозит. Мы с удовольствием воспримем вас как аккредитованных посланников мира, с которым готовы наконец выстраивать равноправные и взаимовыгодные отношения... – примирительным и даже радушным тоном произнес Анказуабу.

– Смешно слышать, – тут же ответил Сашка. – Вы хотите нас уверить, что за столько тысяч лет вы именно сейчас воспылали желанием «выстраивать»? Под дулом пулемета, между прочим. Раньше подобных случаев не представлялось?

– Вы можете не верить, но все обстоит именно так, – кивнул микеланджеловской головой Марувату. – Мы впервые

столкнулись с вашим феноменом, совсем недавно. До этого нам ни разу не встречались существа, подобные вам. Остальное население вашей Земли для нас ни интереса, ни угрозы не представляло...

– Кроме как генетический материал? – вдруг вмешался Антон, до этого демонстрировавший несколько даже наигранное безразличие к происходящему. Ну да, господин «Тайный посол». Ему как бы по чину не положено участвовать в бессмысленных препирательствах аборигенов. А теперь вдруг настал момент.

Оба дуггура на его включение в переговоры отреагировали на удивление одинаково. Не то чтобы испугались, а вроде как «стали во фрунт». Внутренне, конечно. Но ощущалось это отчетливо, на ментальном, если угодно, уровне.

Очевидно, только сейчас как-то осознали, что его слова, сказанные для Рорайма, – не пустая болтовня. Или – Антон включил не воспринимаемый нами сигнал опознания. Что вполне укладывалось в теорию о форзейлях, курировавших не только нашу Землю, но и эту тоже.

– Это вы неправильно себе представляете, – ответил Анказуабу. – Регулярное освежение генофонда – один из элементов нашего образа жизни. Следует понять, что структура нашего общества исторически и эволюционно так сложилась. Мы – наша каста, давайте условно примем этот термин, генетически и ментально несовместима с другими, пусть и гуманоидными обитателями планеты. Мы можем размно-

жаться только в пределах очень узкого изолята. Вы знаете, что такое инбридинг? Без контактов с представителями вашего... вида, наша цивилизация давным давно погибла бы...

– Откуда вы так хорошо знаете именно русский язык? – не совсем по теме спросил Скуратов. – Специализируетесь на... особях именно нашей национальности?

– Совсем даже нет. Мы... приглашаем к себе представительниц самых разных наций и групп. Не думайте – на вполне добровольной основе. Ваши легенды и мифы не лгут – каждая из женщин, соглашавшихся на... непонятную вам, не обольщайтесь, роль, получала настолько больше того, что мог ей предложить ваш мир... Для нас безразлична раса женщины, используемой для продолжения рода, безусловно только ее абсолютное соответствие... стандартам. Но да, многие предпочитают иметь дело именно с русскими. Фенотип, вы понимаете... И, как вы правильно догадались, ментальная общность. Она передается по наследству, хотя прямым воспитанием потомства анцалувати не занимаются...

Потом я уточнил, что этот термин слишком многозначен, чтобы перевести его одним словом, при всем богатстве русского словарного запаса. Это одновременно и наложница, и дарящая жизнь, и дочь праматери... Этот термин одновременно обозначал и юридический статус земной женщины, взятой в этот мир, и что-то еще, на что просто не хватает ассоциативных способностей. Вроде того как в «Эдеме» киберпереводчик, не справляясь, выдавал такие конструк-

ции, как акселероинволюция, экземплификация самоуправляемой прокрустики и еще в этом роде. Позже я напишу об этом поподробнее, а пока все же – о первом контакте.

– Ну да, понимаем, – со значительным видом ответил Скуратов. Для принимающей стороны он выглядел очень убедительно, со своим сократовским, наголо выбритым черепом идеальных пропорций и профессорской бородой, – понимаем. Но все равно, очень уж углубленное и даже специализированное у вас знание языка.

Эта тема сейчас не имела особенного значения, но Виктору виднее, чем следует интересоваться. В рассуждении каких-то своих идей и гипотез исследования.

– Ничего удивительного. Любой из нас способен в течение очень короткого по вашим меркам времени изучить любой язык и любую земную науку. Если сочтет это нужным. Как только мы осознали появление в сфере наших интересов вас, использующих именно русский язык, достаточное число «мыслящих» изучило его в совершенстве, то есть в абсолютно полном объеме...

– И такие, как Шатт-Урх, – тоже?

– Все, кому положено было...

И все же банальное земное тщеславие было не чуждо и этим...

– Некоторые «высочайшие», вроде нас с Анказуабу, – важно сказал Марувату, – в совершенстве владеют многими языками и многими земными науками. Поэтому нам и поручено

встретить вас...

– Спасибо, я понял, – кивнул Скуратов и принялся раскуривать очередную сигару.

– Если б вы так хорошо изучили Землю и конкретно Россию, вы бы не совершили такую массу грубейших ошибок. И вообще, и за сегодняшний день конкретно. Но мы готовы отнестись к этому с пониманием. Все еще можно... нивелировать, так сказать. Для этого стоило бы прямо сейчас заключить соглашение об установлении дипломатических отношений с представляемой нами частью человечества, оговорить гарантии безопасности нашей миссии и свободы обмена информацией. Предоставить нам приличествующую рангу резиденцию и разместить при ней на условиях экстерриториальности группу сопровождающих нас лиц...

Шульгин широким, но неопределенным жестом указал на джунгли, в которых скрывался взвод капитана Ненадо.

Этот намеренно витиеватый и в некоторой мере нагловатый пассаж преследовал, кроме всего прочего, цель проверить, действительно ли настолько хорошо «хозяева» понимают язык и ориентируются в тонкостях «обстановки»¹⁰.

– Мы вас поняли, – сказал Марувату, вставая. – Давайте мы решим эти вопросы, а уже потом приступим к переговорам по существу.

¹⁰ «Обстановка» в кругах сотрудников агентурной разведки означает весь комплекс условий, политических, культурных, бытовых, с которыми придется иметь дело в «стране пребывания».

Глава вторая

Из записок Андрея Новикова

...Сколько в детстве, начиная с книжек очень тогда популярного (не меньше, чем Стругацкие несколькими годами позже) Георгия Мартынова: «Каллисто», «Каллистяне», «Гианэя», или Александра Колпакова с его пресловутой «Гриадой», было прочитано всякого о первом контакте землян с инопланетянами! А кроме наших вскоре начали мы читать и иностранцев, англо-американцев по преимуществу, на ту же тему. Нужно признать, советский автор негуманоидов не жаловал, равно как и некоммунистические цивилизации. Однако, свирепо кромсая и перечеркивая малейшие намеки на отступление от «генеральной линии» у членов Союза писателей СССР, цензоры удивительно легко пропускали в серии «Зарубежная фантастика» какие угодно изыски творцов буржуазных.

Была ли это сознательная политика неких «тайных диссидентов» из ЦК КПСС и Госкомиздата, или все объяснялось банальным раздолбайством товарищей, брошенных на этот участок идеологического фронта, сейчас сказать не берусь. Хотя сам немало лет вращался внутри крайне идеологизированного сообщества журналистов-международников. И ничего там до конца не понял.

Один и тот же ответственный товарищ мог со мной всю ночь водку (или текилу) пить, Высоцкого с Галичем на магнитофоне заводить и антисоветские анекдоты травить, и буквально на следующий день с гневом и в стилистике тридцатых годов разносить совершенно невинный абзац из статьи, посвященной, скажем, трудностям преобразований в аграрном секторе революционной Никарагуа. Не на ту главу Маркса или Ленина, понимаешь ли, сослался. А она (глава) написана в совсем других исторических условиях, и точка зрения партии на эту проблему с тех пор изменилась принципиально.

Опять я отвлекся, но моментами просто не могу удержаться. Полноценных мемуаров, скорее всего, никогда не напишу (а стоило бы!), вот и разбрасываю приходящие в голову эпизоды и размышления из прошлой жизни где ни попадя. Как тот брадобрей, что, изнывая под тяжестью «подписки о неразглашении», убежал в камыши, где и прошептал с облегчением: «У царя Мидаса ослиные уши!» Чем это кончилось – известно.

С чего я, собственно, начал? Множество раз приходилось читать о контактах с гуманоидами и с удивлением приходится признать, что наши советские, «ограниченные в информации, свободе самовыражения и правах человека» фантасты, запертые за железным занавесом, оказались гораздо пронительнее, чем их «свободные» зарубежные коллеги.

То есть ничего столь уж поразительного, вызывающего

футурошок и неадекватные реакции, при этих контактах не происходило. Да, у братьев по разуму все было «покруче» (больше, шире и длиннее, как говорил один мой приятель), коммунизм поразвитее нашего «развитого социализма», науки естественно шагнули, как и продолжительность жизни, но ничего непостижимого. Пример для подражания – да, и готовая методика для очередной культурной и технической революции.

На собственном примере мы убедились, что ничего именно поразительного при встречах что с агграми, что с форзей-лями не произошло. Мы столь же легко освоились с их «чудесами техники», как американские индейцы с «кольтами» и «винчестерами», а неграмотные афганские крестьяне – со «стингерами». Достаточно прослушать краткий инструктаж – и все понятно. В смысле – как пользоваться. А идеологические и психологические недоумения при знакомстве с продуктом неизмеримо более продвинутой технической мысли перекрываются одним удачно придуманным наименованием – «шайтан-труба». И достаточно, и все понятно, нет необходимости вдаваться в дальнейшие подробности.

Конечно, мы культурным и интеллектуальным уровнем повыше означенных «моджахедов». Так нам и объяснения предлагались чуть понаукообразнее. А в принципе приходится согласиться, что Сильвия, Антон, даже Даяна – всего лишь «понижающие трансформаторы», чтобы наши мозги не перегорели, как лампочки на сто двадцать семь вольт

от встречи с напряжением триста восемьдесят. То есть с истинными вершинами чужой техники и культуры.

Ну, не знаю.

Наших гостеприимных хозяев – дуггуров тоже можно приравнять к своего рода инопланетянам, и даже в большей степени, чем стопроцентного (в отличие от Ирины и Сильвии) пришельца Антона.

Только что кислородом дышат и генетический материал у нас общий, а прочих различий – масса.

В качестве довода в пользу данного утверждения можно привести простейший – никто из нас в этом мире самостоятельно выжить бы не смог. В отличие от того же всем известного «Обитаемого острова» – Саракша. Максим там вполне даже обжился и социализировался, как и Румата в Арканаре.

Здесь – извиняйте! За пределами поселений «высочайших» нормальному человеку делать нечего. Там все не для нас – и флора, и фауна, и даже солнечная радиация та самая, что была на нашей «первой» Земле сотню-другую тысяч лет назад. Мутагенная, я бы сказал. Сегодня у нас, сколько на солнце ни загорай, у самых шоколадных, но от природы «белых» родителей негрятя не родятся. А тогдашнее (и нынешнее здесь) солнце очень даже свободно людей в негров превращало, и много еще каких последствий от его лучей проистекало.

Но лучше по порядку.

Мы достаточно быстро договорились, что нас разместят

в соответствующей нашему рангу и обеспечивающей должную безопасность и комфорт резиденции. В пределах ее территории найдется место и для охраны. Правда, сформулировали мы несколько дипломатичнее – «группы сопровождения», в том якобы смысле, что столь представительная делегация в охране не нуждается. Мы, будем считать, тоже в своем роде «высочайшие», причем двух разных типов – Антон как «Тайный посол» Конфедерации, мы – как Держатели земного уровня. И в этом качестве сами способны производить разнообразные, в том числе и смертельные, манипуляции с веществом и пространством.

Наверняка ведь эти господа-парламентеры достаточно информированы своими урарикуэра и тапурукуара (интеллектуалами и военными, грубо говоря) о всех случаях применения нами земного оружия, его тактико-технических характеристиках и, что главное, его портативности и индивидуальности использования.

Если совсем просто – наши «хозяева» должны знать, что более-менее крупные подразделения земных вооруженных сил нам практически не нужны, во всех имевших место боестолкновениях (за исключением сражений с инсектоидами в Южной Африке и на Валгалле) отпор они получали карманным или, в отдельных случаях, групповым, типа КПВ или гравипушки, оружием.

Значит, взвод капитана Ненадо – именно церемониальный, а на какой там он технике перемещается – уже неважно.

но. Неприемлемый ущерб мы им способны причинить, что называется, не вынимая рук из карманов.

Разместили нас прямо таки хорошо, без всяких оговорок. Километрах в пятнадцать севернее места нашей высадки, куда нас доставили на чем-то вроде метро. Яйцевидные капсулы, идентичные той, на которых прибыли парламентарии, в большом количестве располагались на обычной с виду полянке неподалеку от «Дома Советов». А то «щупальце», что нас так поразило, было всего лишь элементом своеобразной транспортной системы. Опять же по аналогии – гибридом эскалатора и движущихся дорожек в аэропортах. Капсула (она же вагончик то ли на гравитационной, то ли вообще на магической тяге) прибывала на станцию (как я потом узнал – хоть с другого континента), захватывалась «щупальцем» и выставлялась хоть на «перрон» перед «шахтой», хоть прямо на площадь перед входом в Зал Рорайма. А если уезжать отсюда – процедура происходила в обратном порядке. Капсулу вставляли, как патрон в патронник, в горловину туннеля, и она летела, мчалась, перемещалась (на длинных перегонах – со сверхзвуковой скоростью), куда потребно было пассажирам. На короткие расстояния – стоя, а на трансконтинентальные – сидя, со всем потребным именно «высочайшим» комфортом. С моей точки зрения, комфортом следует называть нечто другое.

В тот день (да и сейчас, пожалуй) мы ощущали себя в положении шестилетнего мальчика «Алеши-почемучки», ге-

роя книжки Б. Житкова «Что я видел». Там он тоже впервые в жизни едет на поезде, попадает в Москву (тридцатых годов прошлого века), катается на метро, удивляется газовой печке на кухне и так далее.

Удивляться мы не особенно удивлялись, и не такое видели (хотя и в более гуманоидном, что ли, варианте), а вот недопонимали гораздо больше, потому как и аггры, и форзейли изготавливали (или хотя бы маскировали) свою технику под нечто знакомое и привычное человеку двадцатого века ГИП, а эти ничего не маскировали и не имитировали. Мы наблюдали все как есть, как получилось на Земле (совсем уже и не нашей) после развилки, образовавшейся задолго до «неолитической революции».

Потому передо мной сейчас выбор – или изображать из себя того самого Алешу, или писать, ничего не растолковывая ни гипотетическому читателю, ни даже самому себе. Кто-нибудь когда-нибудь на основании видео и прочих записей, а также и воспоминаний человека с куда более научным и организованным мышлением, чем мое (Виктора Скуратова, если конкретно), создаст нечто объективное и одновременно научно-популярное.

Одним словом, опять вспоминается Симонов: «А не доживем, мой дорогой, Кто-нибудь услышит, вспомнит и напишет, Кто-нибудь помянет нас с тобой».

Добирались мы на «метро» пару минут. Зашли, вышли. И все. На таком расстоянии это больше похоже на телепор-

тацию. А взвод на МТЛБ, двух БРДМ и мотоциклах, нами проинструктированный, в сопровождении Артема и одного из «мыслящих» прибыл через полтора часа, оттого, что дорогу для техники пришлось прокладывать специально, через лес, состоящий из многовековых деревьев типа ливанских кедров. На бронированной технике дуггуры в пределах обитаемых «высочайшими» зон не ездят. Как и за пределами. Кому положено – летают, остальные – или пешком, или, в случае необходимости, на том же «метро». У них оно как в Париже или Вене – станции через каждые полкилометра, а вообще, как мне кажется, в любом нужном месте. Как крот или медведка – где захотели, там из-под земли и вылезли.

Ростокин, к экологии относящийся с почтением, удивился было и даже расстроился, узнав, что для проезда всего лишь моторизованного взвода подчистую (в буквальном смысле вровень с грунтом) было срезано (жуткого вида и размера крабообразными существами, оснащенными невероятной остроты и мощности клешнями) несколько сотен великолепных, в несколько обхватов деревьев с кронами метров по тридцать в диаметре. Офицеры, наблюдавшие эти «саперные работы», пережили чрезвычайно яркие впечатления, поскольку даже самые жуткие из известных им инсектоидов не шли с этими супермонстрами ни в какое сравнение. Однако, кое-что прикинув, решили, что нормальным ПТУРСом такое чудище взять можно, благо скоростных качеств «лесорубы» не демонстрировали.

– Примерно то же самое, что первые английские танки на Сомме, – сказал Ненадо, послуживший и в Особых русских бригадах на Западном фронте. – А потом и немецкие появились. Если не психовать, то за полверсты спокойно успеешь и прицелиться из полевой семидесятипятимиллиметровки¹¹, и попасть несколько раз. Только ошметки полетят. Чему я тогда с другими нашими удивлялся – и немцы, и французы с англичанами тех танков до поноса боялись. А нам – хоть бы хрен. Один подпоручик у нас в обороне Моонзунда в пятнадцатом году участвовал, тот говорил: «Вот когда целый немецкий линкор по тебе стреляет двенадцатидюймовыми, тогда страшно. А это – тьфу!»

По поводу же нерационального использования лесных богатств хозяева Ростокину объяснили, что проблем здесь никаких. Древесина будет положенным образом утилизирована, по-любому ежедневно на земле сводятся сотни гектаров самого разнообразного леса, так важно ли, где именно произошла вырубка? Скуратов попутно спросил, каково соотношение численности населения Земли с лесными и прочими угодьями.

Узнал, что на каждого «высочайшего» приходится около девяноста квадратных километров нетронутой природы, и успокоился. Действительно, наш визит не нанес непоправи-

¹¹ Французская полевая «скорострельная» пушка обр. 1897 г. (Canone de 75 Mle 1897), по своим характеристикам близкая к русской «трехдюймовке» 1902 г.

мого ущерба экосистеме второй Земли.

Вопрос Игоря о численности «мыслящих» и прочих высших приматов Анказуабу встретил с недоумением. Ответил примерно в том смысле, что мы бы его еще спросили, сколько инсектоидов вида... (он назвал, но я не то что не запомнил, даже на слух не воспринял, латинская классификация у них не в ходу по естественной причине) приходится на кубический... (тоже местная единица, но ее он в кубокилометры перевел) земной атмосферы. Кто-то из «мыслящих», изучающий практическую энтомологию, наверняка знает, но «не барское это дело». Именно так он и выразился, чтобы нам понятнее было. Действительно, славист-филолог и даже где-то фольклорист.

«Поместье», отведенное для нашего проживания, занимало, конечно, не пятьсот квадратных километров, как полагалось бы, если считать только нас пятерых «высочайшими», а офицеров сопровождения только «мыслящими», но очень и очень много. Пусть даже всего километр. Но красотища! Корсика все же, причем еще менее затронутая цивилизацией, чем в те времена, когда здесь мальчишкой бегал Наполеоне Буонапарте.

С одной стороны высились покрытые лесом горы, с другой берег обрывался голыми каменными откосами и осыпями к заливу Валинко, как он назывался в наше время. Поразительной синевы море, сверкающее мириадами солнечных искр, пустынное, как сразу после сотворения мира. Хоть бы

одна древняя трирема рассекала его волны...

И воздух здесь был великолепный. Ни с чем не сравнимый. Даже на Валгалле не такой – там не было поблизости теплого Средиземного моря, в которое до сих пор не вылилось ни тонны нефти, ни кубометра промышленных стоков с европейских берегов. Первозданная чистота. Захотелось немедленно сбежать к пляжу и погрузить свои тела в кристальную (а также хрустальную) воду. Или все же сапфировую?

Нужно только попросить у хозяев, чтобы организовали самую простенькую канатку к воде. Или сразу гравелифт. Им, похоже, все равно.

В ответ на заданный Сашкой вопрос Марувату сказал, что сделать это действительно можно в ближайшее время, но тут же и довел до нашего сведения, что мы уже схватили порядочную дозу солнечной радиации. И хотя сама по себе она лично для нас не смертельна, но может оказать самое неожиданное воздействие на репродуктивную функцию. Поэтому наше месторасположение уже накрыто специальным волновым куполом, преобразующим солнечный спектр до привычных нам параметров.

– Но науке ничего не известно об изменении характера солнечного излучения за последний миллион лет минимум.

– В этом все и дело, уважаемый Виктор, – с вполне человеческой усмешкой превосходства ответил дуггур. – Вы и не могли ничего заметить, сколь бы точные приборы ни ис-

пользовали. Да я и не знаю приборов, способных по остаткам ископаемых животных и растений зафиксировать доли процента реликтового излучения. Но поверьте мне на слово. Как однажды вспышка Сверхновой послужила причиной растянувшейся на миллионы лет деградации динозавров, так почти аналогичное событие создало развилку, определившую «неолитическую революцию» у вас и магико-биологическую у нас.

Скуратов зацепился за термин «магико-биологическая» и начал выяснять, какова доля непосредственно «магии» в истории дуггуров. Мне же более интересным показался вопрос, как именно образовалась «развилка» в отсутствие «действующего субъекта»? Мне казалось, чтобы зафиксировать наметившуюся параллель, обязательно нужен достаточный массив разумных существ, способных заметить происходящие изменения, отрефлексировать их и воспринять в качестве новой нормы.

По крайней мере, на этой теоретической базе строилась вся агрианская теория многовариантности мира, с которой мы познакомились в самом начале. Да и Антон ее вполне признавал. Не зря же с помощью феномена «растянутого настоящего» можно было как бы отменить наметившееся изменение, отыграть его назад, до тех пор пока оно будет замечено достаточным количеством людей, поверивших в возникающую новую Реальность.

На это Марувату, ставший при нас вроде как гидом-кон-

сультантом, ответил, что на Земле в тот момент уже имелось достаточное количество человекообразных разной степени разумности, в том числе и известных нам как неандертальцы и кроманьонцы, а также еще четыре расы, вполне готовые к переходу из разрядов «хабилис», «эректус» и даже «сапиенс» в статус «хомо люденс». ¹² И как раз та их часть, что своевременно заметила изменение солнечной радиации и инициируемые ею процессы, и превратилась в предков современных дуггуров на собственной временной линии, а прочие, «не заметившие» и не отреагировавшие, продолжили существование на том, что мы называем ГИП.

Спорить с ним совершенно не хотелось, хотя и у меня, и, как я понял, у Антона появились серьезные вопросы к этой крайне сомнительной теории. Жаль, что профессор Удолин чересчур поспешно оставил нас, у него бы нашлось доста-

¹² С точки зрения антропологии непосредственным предком современного человека был «хомо хабилис» или «человек умелый», т. е. австралопитек, но уже научившийся изготавливать примитивные каменные орудия. «Хомо эректус» – «человек прямоходящий» – это уже практически человек, но не достигший должного материально-технического уровня. «Хомо сапиенс сапиенс» – «человек разумный – разумный», это уже мы с вами, отличающиеся от просто «разумного» развитой материальной и интеллектуальной культурой. «Хомо люденс» – некий изыск современных антропофилозофов, «человек играющий», то есть настолько культурный, что основой своего существования сделал уже не материальное производство, а «игру» как свободное действие, осуществляемое без принуждения в «свободное время» в «свободном пространстве». Вместе с тем игра подразумевает некий строгий внутренний порядок и наличие особого «игрового сообщества». Термин придуман и развернуто объяснен нидерландским философом Й. Хейзингой в 1938 г. (*Примеч. автора.*)

точно желания и доводов, чтобы довести наверняка не привычных к средневековой схоластике «хозяев» до любой степени каления. Или до психического срыва.

Помещения, что Анказуабу и Марувату отвели для нас (вернее – сообщили, что до тех пор, пока длится наша миссия, жить мы будем здесь, а самой процедурой расселения и дальнейшим обслуживанием занимался целый сонм «мыслящих» и «полумыслящих»), явно были изготовлены только что и под нас персонально. Если бы это предназначалось для «высочайших», то и габариты комнат и мебели были бы минимум на треть больше, а «челяди» подобные дворцы не полагались априори.

Как они ухитрились сделать все это за какие-нибудь пару часов – вопрос. Если только не располагают методикой и технологией локального замедления времени. Если да – то в этом вопросе они шагнули дальше, чем даже форзейли, не говоря об агграх. Ирина могла своим блок-универсалом на месте растягивать настоящее минут на пятнадцать, да и то в одну только сторону, а на стационаре – останавливать время в квартире относительно его течения «за бортом», правда при определенных условиях. А дуггуры, возможно, как и в дагонских пещерах, умеют просто находить соответствующие аномалии, вроде как Маштаков научился использовать «боковое время» или естественные межпространственные кротовые норы.

На удивление, все здания были одноэтажными, и, что еще

более удивительно – каменными. А мы уже настроились на чисто биологическую цивилизацию, с выращенными разумными растениями домами, мебелью и всем прочим.

Нет, камень был самый натуральный и на вид мало отличался от того, из которого были сложены все строения и мосты на известной мне Корсике второй половины XX века. Впрочем, мосты и акведуки из этого же камня стояли здесь с времен Цезаря, Брута и, допустим, Веспасиана (это он, кажется, отличался особой любовью к коммунальному хозяйству¹³).

Внешне напоминая казарменные корпуса, дома эти, от фундамента до крыш заплетенные подобием плюща, имели очень большие окна венецианского стиля, устроены были по анфиладному типу, так что классических спален там не было, и устраиваться пришлось в альковных нишах, задергиваемых шторами. Но кровати там были вполне приличные, метра по три длиной и шириной, наверняка изготовленные по образцам, используемым «высочайшими» для утех со своими земными «подругами», или как они их там называли...

Прочая мебелировка была более чем скудная. Низкие, не предполагавшие использования стульев и кресел столы, без всяких «архитектурных излишеств», но из весьма красивых и ценных на вид пород дерева, подобие ковров на камен-

¹³ Император Веспасиан (69-79 гг. н. э.) впервые сделал в Риме платные туалеты. Он же по поводу этого произнес знаменитую фразу: «Деньги не пахнут».

ных полах, вместо шкафов – задергиваемые шторками ниши. Стены изнутри нештукатуренные и сложенные, похоже, «всухую», без использования извести или цементного раствора. Даже потолков не было – высокие, четырех с лишним метровые комнаты перекрывались треугольными стропилами из бруса, покрытыми толстыми серебристо-зелеными циновками, точнее – матами, внахлест. Нужно признать – от здешнего солнца очень неплохая защита. Были у них потайные кондиционеры или нет, но в домах температура не превышала двадцати двух – двадцати четырех градусов при тридцати пяти снаружи.

Нам, «официальной делегации», отвели три корпуса, состыкованных в виде буквы «Н», и комнат там было двадцать одна. Ни то ни се, честно сказать. На пятерых явно много, тем более функционально и размерами они ничем друг от друга не отличались. Только спальных мест было по числу постояльцев. А в остальном и непонятно, что здесь делать. Бессмысленно бродить по одинаковым помещениям, время от времени устраиваясь в произвольно выбранной комнате для распития спиртных напитков?

Вроде бы должны они знать наши требования к жилым помещениям, а если решили предложить нам свой вариант... Тогда со вкусом у них плоховато.

Ну, еще можно было рассматривать произведения аборигенского искусства – настенные гобелены из тончайшей соломки палевого цвета с полуабстрактными фигурами людей

и животных, а также изображавшие что-то, при достаточном воображении воспринимаемое как пейзажи. Судя по этим изделиям, можно было предположить, что изобразительное искусство дуггуров застряло где-то между наскальными росписями неандертальских пещер и шелкографией средневековой Японии.

Но сам факт, что искусство у них все-таки есть, обнадеживал.

Офицеров разместили в таком точно доме, но удаленном от «господского» на полсотни метров в глубь сада, или парка. Там же и технику поставили, поближе к главному выходу. Главному потому, что в домах имелось еще по несколько дверей, в темных переходах-тамбурах между секциями анфилад. Двери эти, невысокие, одностворчатые и массивные, выходили либо на аккуратно постриженные газоны перед фасадной частью, либо на заднюю сторону, прямо в примыкающие к стенам заросли кустарника. Смысла в этом особого не просматривалось. Но не устраивать же мозговой штурм для разъяснения тонкостей дуггурианской дизайнерской мысли.

– Хреново дело, Андрей Дмитриевич, – доложил мне Ненадо, закончив размещение личного состава и определив порядок несения внутренних нарядов. – Ни одна дверь здесь не запирается. Никак. Ни на засовы, ни на внутренние замки...

– Что поделаешь, наверное, такой у них здесь стиль. На

Земле тоже замки появились лишь в эпоху феодализма. А здесь, похоже, до сих пор первобытно-общинный строй...

– Да как-то чересчур цивилизованно для первобытного, – не преминул вмешаться поручик Оноли, до Мировой войны окончивший три курса Петербургского университета.

– Уровень материальной и прочих культур не всегда совпадает с общественно-экономической формацией, – назидательно сказал я. – Капитализм не в пример прогрессивнее рабовладельческого строя, однако во многих своих чертах древнеримские города значительно выигрывали с раннекапиталистическими, вроде нашей Шуи и английского Манчестера... В средневековой Флоренции архитектура великолепна и строительная техника на высоте, но с этой самой высоты, со всех шести этажей содержимое ночных горшков выливали прямо на улицы.

– Да что вы говорите?! – поразился простодушный капитан, а эстет Оноли тонко улыбнулся и добавил, что во Флоренции лично побывал там, где Данте и Беатриче стояли в узком переулке перед входом в церковь по колено в дерьме и объяснялись в вечной любви, старательно делая вид, что вокруг благоухают розы...

– Хорошо здешние эту культурную стадию хотя бы внешне переросли, – заключил поручик. Он, как всегда, гонорился, но чувствовалось, что ему все еще не по себе. – Придется караульную службу нести в полном объеме. Или самим запо-

ры на двери сообразить. В ПАРМе¹⁴ наверняка что-то такое найдем... В «ЗиПах» броников что-то такое было...

– Не стоит, – возразил стоявший рядом Шульгин. – Еще хозяева сочтут за обиду. Пусть Артем с Аскольдом круглосуточно двор контролируют, да и все...

– Так точно, – согласился Ненадо, не успевший еще привыкнуть к наличию среди своих подчиненных бойцов, способных нести круглосуточную службу, да еще и обладающих абсолютным зрением и слухом. Ему для реальной оценки ситуации пришлось представить себе парный дозор тех инструкторов, что тренировали первый отряд «белых рейнджеров», да в сопровождении нескольких высококлассных собак разных квалификаций. Представил и успокоился.

– А как насчет увольнений? – поинтересовался неугомонный Оноли.

– По обстоятельствам, – ответил Шульгин. – Пока имей в виду, что здесь даже на открытое солнце за пределами ограды выходить нельзя. Час-два – и сначала импотенция гарантирована, а потом рак кожи и прочие прелести.

– Понятно, почему их наши бабы так интересуют, – не совсем логично умозаключил Ненадо. Наверное, решил, что

¹⁴ ПАРМ – полевая авторемонтная мастерская. Обычно придается полкам и отдельным батальонам. В данном случае представляла собой кунг на шасси МТ-ЛБ, оснащенный необходимым набором станков, инструментов и запчастей для производства ТО и среднего ремонта наличной автобронетехники в полевых условиях. В качестве автомехаников использовались те же андрюиды, имеющие дополнительную настройку.

красивые земные женщины способны своим шармом ликвидировать последствия пребывания под здешним солнцем. Заодно весьма умный, хотя и не слишком образованный, Игнат Борисович определил для себя причину внезапного налета дуггуров на валгалльскую школу Даяны. Две сотни таких девах – кто же не позарится. Хотя, как я заметил, сам капитан плотно запал на самую мадам начальницу. Формы ее Игната здорово восхитили, а возможно, и не только формы. Не побожусь, но вполне может выясниться, что некогда вызвавшая грешные мысли и у меня «главная аггрианка» не устояла перед натиском бравого воина. Чем она хуже той же Сильвии, допустим?

– Может быть, что-нибудь придумаем, – успокоил я офицеров. – На море вылазку организуем, экскурсию по достопримечательным местам...

– Значит, ладно. Тогда объявлю парко-хозяйственный день¹⁵. Самый страшный на свете зверь – ничем не занятый боец. А после окончания – наркомовскую?

Вот еще ирония истории. Отчего-то среди белых офицеров Югории с подачи Сашки и Берестина намертво при-

¹⁵ Парко-хозяйственный день (ПХД) – любимая забава старших начальников в Советской армии. Объявлялся обязательно в выходные дни и предусматривал минимум восемь часов самых грязных и нудных работ по обслуживанию боевой и транспортной техники, вооружения, разборки складских помещений, каптерок и всяческих накопившихся с прошлого ПХД завалов мусора и неисправного имущества. Заодно красили бордюры, заборы, ворота и т. п. Кстати, фактов покраски травы автор за время службы не наблюдал ни разу.

жилось обозначение того, что при «старом режиме» называлось «казенной чаркой». А тут вдруг – наркомовская. Впрочем, не первый случай, когда ни с того ни с сего в употребление входило вполне случайное иноязычное слово. Например, в войсках Краснознаменного Дальневосточного округа в семидесятые годы солдаты любой прием пищи вдруг стали обозначать словом «чифан», что на хорошем мандаринском диалекте означает ни больше ни меньше, как «банкет». И придумали от него массу производных. А у офицеров, даже взводных, этот термин не употреблялся даже случайно.

– Наркомовскую можно. Не дети, чать, боевые офицеры. Главное, чтоб без эксцессов. Особенно с местными.

С кормежкой тоже определились легко. Хозяева прекрасно знали, чем обычно питаются люди (своих наложниц же они кормили, и неплохо, как позже выяснилось). Поэтому нам достаточно было один раз написать нечто вроде заявки: «Прием пищи трехразовый, раскладка по белкам, жирам, углеводам такая-то, мясо травоядных теплокровных животных и не хищных птиц к обеду и к ужину, плюс фрукты, овощи, напитки в виде соков, чая, кофе (или аналогов)», приложить к ней распечатку с ноутбука одной из хороших кулинарных книг, и проблем с питанием у нас не возникло ни разу до самого отбытия на Родину.

Заправлял на нашей базе «дворецкий» (одного «интеллектуального ранга» с бесследно сгинувшим Шатт-Урхом) по имени Шмульт-Зоар, командовавший доброй полусотней

«мыслящих» и неизвестным числом «полумыслящих».

– Ну, натуральное рабовладение, – восхитился Ростокин. – Легко предположить, что мы гостим на вилле какого-нибудь Лукулла или Гнея Помпея... Тем более и климат подходящий.

– Интересно, а как тут у них насчет баб-с? – с серьезным лицом процитировал Сашка. – Убей меня, не поверю, что все сплошь «эмигрантки» с Земли попадают в этот самый статус анцалувати. Я правильно сказал?

– Правильно, – подтвердил обладавший абсолютной слуховой памятью Скуратов. – И я с тобой согласен. Зная древнюю земную историю, с которой они наверняка связаны прочнее и ближе, чем мы, скажу, что процентов десять, едва ли больше, «эмигранток» ухитряются здесь занять сколько-нибудь достойное положение. Не может быть первобытного, по сути, общества, в котором многократно превосходящее мужчин по численности женское население пользовалось бы достойными правами...

– Почему? – удивился Ростокин.

– Элементарно. Дамы, в силу специфики своего характера, не могут составить коллектив равноправных по статусу жен. Значит, здесь работает частично гаремная, частично... не знаю даже, как назвать – «ферменная» культура. То есть ориентированная на выращивание чего-то живого в промышленных масштабах.

– С чего это вдруг? – по-прежнему не понимал Игорь.

– Да проще простого, – Скуратов начал раздражаться. Какой, думал наверное, непонятливый студент попался. Мне-то ход мысли Виктора был отчетливо ясен сразу, все ж таки в более простом и циническом обществе вырос, мы такое не только слышали, но и видели. А человеку общества на полтора-два десятилетия (да без войн и революций) цивилизованней нашего кое-что хоть и известно теоретически, но сложно для восприятия.

– Репродуктивная способность женщин ограничена естественными пределами, – принялся объяснять Скуратов, – мы не знаем, какую численность населения «высочайшие» считают для себя оптимальной, но по логике и исходя из площади земной поверхности им требуется достаточно расширенное воспроизводство своей страны. Значит – не меньше четырех-пяти голов доживающего до начала собственного детородного цикла приплода на пару. Процесс же воспитания потомства достаточно протяженный по времени, связан с многими неудобствами и ограничениями. Даже в аристократических кругах при моногамной семье.

Здесь таковых не имеется, достаточно признаков, чтобы судить с уверенностью. Значит, каждому из наших хозяев требуется от четырех, как по шариату, до бесконечного количества жен и наложниц. На Земле первой, то есть нашей, схема отработанная. А они ведь нам прямые родственники и вообще от высших обезьян (которые тоже не моногамны) происходят, потому женщин им нужно много. Будем считать

– десять к одному, с условием постоянной смены контингента. А еще молодежь развлекать и тренировать надо, значит, нечто вроде системы борделей должно наличествовать. Кроме того – мамки, няньки, служанки, кормилицы и тэпэ. «Мыслящие» и «полумыслящие» тоже вполне себе гуманоиды, их численность тоже надо как-то пополнять...

Хорошо быть ученым. Вот так посмотрел по сторонам и сразу составил полную социопсихологическую картину здешнего общества.

Верна она или нет – другой вопрос. Я, не такой ученый, как Виктор, причем не логик, а больше психолог, на тех же посылах могу выстроить совсем другую гендерную структуру здешней цивилизации. Значит, надо и с этим разбираться. Кое-какие идеи уже появились.

Доверять мы своим «хозяевам» не собирались ни на грош. Это вообще универсальное правило – людям чуждой культуры, чьи обычаи тебе неизвестны, а намерения невозможно документированно проверить, доверять нельзя в принципе. Во избежание, так сказать.

Речи не идет ни о какой ксенофобии и прочих либеральных страшилках. Просто есть животные, которым необходимо посмотреть прямо в глаза, чтобы пресечь возможную агрессию, а есть такие, кого взгляд как раз провоцирует. И если ты этому специально не обучался, то сильно рискуешь ошибиться – с летальными последствиями.

То же самое и люди. В разных культурах одно и то же действие может означать прямо противоположное. И нравственные установки отличаются полярно. Очень у многих этносов обмануть, ограбить, убить доверившегося им человека – доблесть и признак большого ума, у других предложение переспать с собственной женой – высшая степень гостеприимства. И так далее.

Поэтому даже к согражданам иной веры и культуры следует относиться без предубеждения, но с осторожностью, а что же говорить о дуггурах, отделившихся от человечества задолго до появления какой-либо культуры в нашем понимании? С которыми, кстати, мы за время «знакомства» только воевали, причем воевали победоносно. А теперь явились к ним на трофейном средстве передвижения, в сопровождении то ли перебежчика, то ли перевербованного соотечественника.

В нашей истории инки, майя (а возможно, и ацтеки, но это неважно) совершили такую психологическую ошибку – приняли белолицых гостей из-за океана с распростертыми объятиями. За что и поплатились.

В этом смысле нашим зауральским соотечественникам повезло намного больше. Среди русских землепроходцев, казаков и даже каторжников не нашлось ни американских протестантов, ни испанских католических «просветителей».

Вечером, когда солнце спустилось к горизонту примерно в районе несуществующей здесь Барселоны, мы реши-

ли без помех обсудить итоги дня в подходящих и комфортных условиях. Для этого, предварительно изучив территорию, устроились посередине россыпи белых крупных валунов, окруженных невысоким кустарником, рядом с крутым обрывом к морю. В месте, максимально неудобном для прослушивания и видеонаблюдения. Во внутренних помещениях или многочисленных павильонах и беседках, в изобилии наличествующих среди рощ и дендрариев, окружавших дома, слежку за собой мы считали стопроцентно разумеющейся. Ибо сами поступили бы точно так же, принимая «высоких гостей».

Антон известным ему способом защитил наше ментоизлучение на волнах, которыми пользовался Шатт-Урх. Вдобавок мы должным образом настроили наши с Сашкой блок-универсалы, я на создание купола звуко- и прочей непроницаемости, а Шульгин – на перехват чужих радио- и прочих импульсов. В случае необходимости автоматически сработала бы система РЭБ, весьма агрессивная.

При выведении режима на максимум схема любого устройства, использующего известные нам и агграм способы дистанционной передачи информации (кроме флажкового семафора, естественно), сгорала на ноль, в угольный порошок. А уже на первых тридцати процентах мощности эфир (в широком смысле) забивало непроницаемым «белым шумом».

Неплохое оружие, кстати. В принципе не летальное, но до-

статочно смертельное, если сфокусировать луч на современном автомобиле или самолете. Одновременно выводится из строя вся электроника, и что происходит дальше – представить нетрудно. Работоспособной останется только техника первой половины прошлого века.

Разместились, обезопасились в инструментальной области, а физическую защиту обеспечивали два парных офицерских патруля на территории «жилого комплекса» и андройды, которые органолептически и иными способами контролировали всю территорию нашего расположения.

Аборигены из обслуги поместья вели себя вполне насекомобразно, то есть по выполнении необходимых функций куда-то скрывались, не удивлюсь, если в некие подземные убежища, где и впадали в каталепсию. А почему бы и нет? При наличии нервной системы, полностью загруженной всякого рода инстинктами, какая-то интеллектуальная жизнь не имела смысла. Имитировать ее можно для окружающих, но не для себя. Читать незачем, играть в азартные игры – тем более.

Интересно бы узнать – а в режиме инстинкта сексуальная жизнь приносит удовольствие? С одной стороны – вроде бы должна, ибо даже фильм так назывался – «Основной инстинкт». Но с другой – весь-то кайф именно от эмоциональной составляющей. Впрочем, это для нас, людей высокоорганизованных. А большинство даже и «среднего класса», не говоря о всякого рода люмпенах, упрощает это дело до край-

него предела, без всяких – «а поговорить?»».

Сделаем пометку – в ходе научных изысканий и на данный момент внимание обратить.

По распоряжению Шмуль-Зоара служащий низшего вида, из «хабилисов», принес нам несколько деревянных фляг емкостью примерно в наши «четверти»¹⁶, весьма изящно украшенных причудливыми узорами, при ближайшем рассмотрении оказавшимися естественного происхождения. Текстура и неравномерная окраска слоев неизвестного дерева всего лишь. В них содержалась весьма приятная на вкус «амброзия», что «высочайшие» используют для подъема тонуса, как и все высшие млекопитающие. Проще говоря – некая спиртосодержащая жидкость, напоминающая одновременно и херес, и не слишком крепкий ликер. Но вином это не было однозначно: градусов многовато, не меньше тридцати.

Скуратов предположил, что это может быть выделениями какого-то специального вида насекомых, вроде ламехузы. Те, проникнув в муравейник, своим выпотом, обожаемым «формиками» всех видов, вгоняют их в наркотически-алкогольный транс, а потом беспрепятственно поедают яйца и личинок.

Профессора дружно обматерили за его неаппетитные гипотезы, а Антон включил какой-то свой внутренний анали-

¹⁶ Дореволюционная стеклянная бутылка вместимостью в «четверть ведра», т. е. 3 литра.

зитор и сообщил, что опасности нет, продукт экологически чист и представляет собой результат ферментации и перегонки медоподобного вещества. То есть, в общем, Виктор оказался прав, но «меды ставленные» – как раз русский национальный напиток, и, следовательно, гипотеза о родстве дуггуров со славянами, а не с японцами, например, находит очередное подтверждение. После этого дегустацию продолжили. Однако же капитана на всякий случай предупредили, чтоб от аборигенов никаких гостинцев не принимал, а «винную порцию» выдавал исключительно из собственных запасов, которых на месяц должно было хватить при соблюдении «высочайше утвержденных норм»¹⁷.

Покуривая и отхлебывая «амброзию» из растительного же происхождения пиал, мы для начала распределили обязанности по изучению «прекрасного нового мира»¹⁸, чтобы не просто дипломатическую задачу решить, но и обогатить человечество новым знанием. Когда-нибудь в далеком буду-

¹⁷ Норма «винной порции», как и продовольственного довольствия вообще, в царской армии действительно утверждалась императорским распоряжением. Рядовому и унтер-офицерскому составу ежедневно полагалась «сотка» (не сто грамм, а «сотая часть ведра», т. е. 123 мл), офицерам – без ограничений, «но не иначе как к обеду и к ужину, с тем, чтобы сохранять трезвость ума и поведения»).

¹⁸ «Прекрасный новый мир» – роман-антиутопия английского автора О. Хаксли (1932 г.). Как и многие его коллеги, в т. ч. русский Е. Замятин («Мы»), в годы после Первой мировой войны и Октябрьской революции Хаксли изображает доведенный до абсурда мир тоталитарной диктатуры, уже не на политическом только, но и на биологическом уровне. Впрочем, «элоев» и «морлоков» придумал еще Уэллс в конце XIX в.

щем, так как сейчас пользы от такого знания оно не получит.

Самонадеянно рассуждаю, сказал бы некто, доведись ему прочитать эти строки. А я бы ему возразил, что нынешнее человечество в новых знаниях не нуждается, независимо от моей или чьей-либо еще точки зрения. Оно старательно доказывает ненужность ему какого угодно действительно нового знания вот уже сорок лет. И это великолепно показано (и предсказано) Стругацкими в «Хищных вещах» и «Сказке о тройке». Мне к написанному там прибавить нечего.

Коллективному «голему»¹⁹ человечества ни к чему новые миры, новые горизонты, даже сколько-нибудь осмысленная музыка, кино и книги. Что им до какой-то «Второй Земли», то ли существующей, то ли сгалоюцинированной?

А вот убить нас в случае разглашения подобного «знания» постараются обязательно. По разным причинам разные люди, но дружно. И опять бежать? Скрываться на Валгалле или в Югороссии?

Лучше уж помолчать, как много лет молчали.

¹⁹ «Голем» – термин, введенный А. Лазарчуком и детализированный С. Перегегиним. Означает некий самозарождающийся «квазиразум» и алгоритм поведения систем, составленных из достаточно больших групп людей, объединенных общим делом и общей целью, но независимый от воли каждого составляющего элемента и способный к саморазвитию в направлении, независимом от первоначальной цели указанного «объединения». Существует «голем» бюрократический, научный, военный, криминальный и т. п. В данном случае автор подразумевает коллективный «квази-анти-разум» всего человечества, «сознательно» избравший путь примитивизации общества, отказ от масштабных и перспективных целей, переход к «автаркической цивилизации потребления».

Исходили мы из специализации каждого, профессиональной и интеллектуальной. Мне, соответственно, досталась дипломатия в чистом виде, каковой следовало заняться с учетом всего моего предыдущего опыта и представлений о дугурах как об определенной социосистеме, доступной для «рационализации и утилизации».

Шульгин по основной специальности должен был сколько возможно изучить этот мир и его обитателей с биологической точки зрения, а по второй – отыскивать «болевые точки», которых здесь не могло не быть, и соображать, как их использовать «к вящей славе божией»²⁰.

Со Скуратовым все ясно – он должен изучать логику, психологию и политическое устройство данного общества, в том числе и его гендерную составляющую, раз уж сам поднял эту тему.

Ростокин – он репортер, и этим все сказано. Должен лезть во все, всем интересоваться, задавать вопросы, включая дурацкие, и не забывать, что хороший журналист в стане если и не явного врага, то и не друга точно, не должен ограничиваться только сбором информации, пусть и сенсационной. Благо опыт не только изучения, но и влияния на ситуацию у него был порядочный, в том числе и инопланетный.

²⁰ «Ad majorem dei gloriam» – девиз ордена иезуитов, этой формулой оправдывавший любые действия его членов, если они соответствовали достижению поставленной цели.

Как-то в последнее время текущие события заслонили тот факт, что Игорь еще в своей «предыдущей жизни» контактировал с весьма недружественно настроенными пришельцами и сумел практически в одиночку спасти Землю от крупных неприятностей. За что в своей реальности был награжден и чинами, и орденами²¹. Да и попав к нам, вел себя в незнакомых обстоятельствах более чем достойно.

А вот как использовать Антона – нужно было думать. При первой встрече с Рорайма он был представлен как «Тайный посол», представитель якобы курирующей земные дела Галактической Сверхцивилизации, Союза Ста миров, но вот каким образом он должен эту роль обозначить, как повести себя с дуггурами и какие ближайшую и последующие задачи мы таким образом можем достичь?

Этим мы и занялись, поскольку все остальное было достаточно ясно. В любом случае – мы свой ход сделали, теперь ждем, что за староиндийскую или, наоборот, «хотя и устаревшую, но довольно верную защиту Филидора» дуггуры решат разыгрывать. Тут мы почти в положении Остапа, включая возможность его заключительного маневра²².

Утром, как и условились, через час после восхода солнца к нам пожаловал господин Марувату, окончательно продемонстрировав, что он на самом деле наш постоянный ку-

²¹ См. роман «Андреевское братство».

²² См. И. Ильф, Е. Петров. «12 стульев».

ратор, гид и, скажем так, аналог дантовского проводника²³. Мне как-то так представилось, что много интересного и не всегда приятного нам предстоит здесь увидеть.

Он прибыл на «медузе», из чего следовало – лететь нам неблизко.

Шульгин еще раз проинструктировал нашего капитана. Мы взяли с собой Артема в качестве личного слуги и заодно – средства связи. По своим каналам, гравитационным или нейтринным, не знаю, он в любом случае до полного собственного уничтожения успеет связаться с Аскольдом. Если мы перестанем существовать или окажемся в силу тех или иных причин недееспособными, Ненадо получал полную свободу рук. А уж сумеет ли он воспользоваться ей для спасения нас (а вдруг?), своего отряда или только для славной гибели с нанесением врагу максимального ущерба – бог весть.

Ядерного заряда у нас с собой не было, естественно, но дуггурам мы еще вчера сказали, что «в случае чего» с Земли-один прилетит вторая трофейная «медуза» с термоядерным зарядом в десяток мегатонн. И пусть думают – сильно ли им это надо, даже если их «поселения», «гаремы» и важная инфраструктура в должной мере рассредоточены.

Кстати, мы можем устроить им хороший тарарам без вся-

²³ В «Божественной комедии» Данте Алигьери в его экскурсиях по Аду и Чистилищу (в Рай его не пускали как язычника) сопровождал Марон Публий Вергилий, любимый поэт Данте.

кой бомбы, двух «портсигаров» хватит, чтобы выжечь десяток гектаров густонаселенной местности. Но этот козырь мы пока предъявлять не будем.

«Медуза», на которой мы полетели, была как бы бизнес-класса – намного комфортабельнее и технически совершеннее, чем та, на которой мы прибыли сюда. Разница как между военно-пассажирским транспортным самолетом и личным «Боингом-777» владельца нефтяной корпорации.

В центре салона имелся даже как бы экран внешнего обзора, но не ЖК и не плазменный, а в виде огромного живоуго «глаза» двухметрового диаметра, на влажной поверхности которого и формировалась цветная картинка из миллионов клеток – пикселей. «Глаз» едва заметно пульсировал и только что не моргал. Зрелище и ощущение не совсем приятное, как и вообще от самой «медузы» и прочих квазиживых устройств.

Ориентируясь по солнцу и времени полета со скоростью около пятисот километров в час, поскольку навигационной карты нам предложено не было, а географическая топонимика «высочайших» с земной не совпадала, я определил, что приземлились мы, скорее всего, на Азорских островах. Привязанность высокопоставленных дуггуров к островам наводила на размышления.

При их численности населения и вполне развитой и агрессивной биосфере жить на материке возможно только в особо укрепленных замках. Да и то без наличия значительных во-

оруженных сил подобный образ жизни особо комфортным быть не может. Противники (такие же феодалы, а то и существа других видов) спокойно жить не дадут, даже при наличии орд «монстров», многоствольных митральез и прочего вооружения.

Острова, удаленные от материка на сотни миль, гораздо комфортнее. Достаточно иметь кое-какую ПВО от «медуз» и отряды противодесантной обороны. Из людей или специально выведенных «морских гадов».

Значит, структура дуггурианского общества просто обязана быть неоднородной. Даже в пределах касты «высочайших». Некоторая их часть (функционально или по какому-то иному признаку) должна жить в гораздо более суровых условиях, чем обитатели теплых и безопасных островов. И, соответственно, представлять собой иной психотип. Вроде как у нас хозяева северных фьордов – викинги, принадлежа к той же романо-германской группе, что и французы с итальянцами, отличались от них и фено- и психотипом. Есть ли здесь подобное деление? Я решил обратить на эту тему специальное внимание.

Приземлились мы на площадке, очень похожей на ту, что имелась перед «Домом советов», так же окруженную субтропическим лесом, карабкающимся по склонам довольно высокой остроконечной горы. На Азорах мне бывать еще не приходилось.

Повезло в очередной раз, значит.

Глава третья

Из записок Андрея Новикова

...О физической географии второй Земли говорить нет смысла – за сотню тысяч лет в ней практически ничего не изменилось. Об экономической и политической – можно, это представляет непосредственный интерес хоть бы из чистого любопытства. Все ж таки наша родная планета, сейчас больше похожая на Валгаллу своей незатронутостью технической цивилизацией.

Надо же, как все просто – в какой-то момент (местные ученые этим не интересовались, а зря) достаточно большая часть человечества, а точнее – не само человечество, а его эгрегор, «голем», «коллективное бессознательное» – сделала выбор иной, чем наши предки. И сделала его в тот момент, когда он имел возможность не просто реализоваться, а образовать отчетливую, безусловную, как транспортная развязка на автостраде, развилку. Кому на Минск – налево сворачивайте, кому на Петербург – прямо и направо.

В нашей «подлинной истории» тоже имелось значительное количество личностей, не желавших строить пирамиды и Баальбекские платформы, гораздо больше интересовавшихся практической биологией и всевозможными религиозно-мистическими делами, но как-то не хватило им критиче-

ской массы, чтобы перетянуть чашу весов на свою сторону.

Наверное, боги технократов оказались сильнее и решительнее. С тех пор колдуны, ведуны, друиды, волхвы, шаманы, а также всякие «юные натуралисты» оказались в числе маргиналов, хотя и могущественных временами.

Не зря ведь «ботаник» является презрительной кличкой «сильно умных» детишек, а не «штукатур», например.

В этом мире, впрочем, все сложилось еще хуже. У нас натур, склонных к художествам всякого рода, в буквальном смысле и переносном, все же не «ликвидировали как класс», а приспособляли к общему делу. Иногда – с поразительными результатами. А со всякого рода «ведьмами» и «колдунами» боролась всерьез только католическая церковь, да и то не слишком долго и спустя рукава. Здесь же процесс «искоренения чуждых элементов» длился десятки тысяч лет.

В итоге осталось с десятков миллионов «высочайших», то есть «людей» в общепринятом понимании, биологически и, с некоторой натяжкой, психологически. А те гипотетические миллиарды, которые тоже должны были бы существовать в «человеческом» качестве – либо не существуют вообще (любого вида «гуманоидных» существ на Земле-два и миллиарда не наберется), либо влачат существование, на которое ни один из более-менее вменяемых землян не согласился бы.

У нас самый распоследний нигериец или бирманец имеет реальный шанс попасть в Москву, Нью-Йорк или Мюнхен и сравнительно прилично там устроиться. Или в собственной

стране стать, допустим, паханом над всеми паханами тамошнего преступного мира.

А тут даже господин Суннх-Ерм, председатель Всеземного парламента, есть всего лишь имеющее внешний облик человека насекомое и никогда, никаким образом не ощутит себя «свободным человеком». Потому что нечем ощущать то, о чем не имеешь никакого представления.

Как там Пушкин писал? «Не дай мне Бог сойти с ума! Нет, легче посох и сума. Нет, легче труд и глад...»

А эти ума лишены от природы и так живут, не знаю, что при этом чувствуюя.

Но я начал о географии.

Вот этот десяток миллионов «людей» очень недурственно, что в своем, что в нашем понимании, и устроился на целой нетронутой механистическим прогрессом планете.

Реализованная мечта господина Сарториуса и ему подобных. Поделили между собой по пока еще не выясненному принципу наиболее комфортные в климатическом смысле территории, прежде всего – хоть сколько-нибудь подходящие для жизни острова. Даже на Гренландию и Исландию нашлись желающие.

А кому островов не хватило – выкроили отвечающие их вкусам феоды на материках, преимущественно имеющие легко защищаемые границы. В итоге образовалось несколько сотен большего или меньшего размера баронств, графств и герцогств (в нашей, естественно, терминологии и понима-

нии). На самом деле устроено и функционирует здесь все совсем по-другому.

Живут «высочайшие» кланами, насчитывающими от сотни до нескольких тысяч экземпляров, как о них предпочитает выражаться Шульгин. Городов, само собой, не имеется, но есть как отдельные семейные поместья замкового типа, так и аналоги наших «охраняемых поселков» вроде разных «рублевков», «горок» или их западных аналогов. А также общины для нескольких поселений «культурные центры». «Высочайшие» все же приматы, а значит, нуждаются в некоей «социализации». Для чего создали весьма разветвленную и нам пока не совсем понятную систему вертикальных и горизонтальных связей, в том числе и общепланетного уровня.

Но, будучи приматами (то есть не имея генетического механизма, запрещающего внутривидовую агрессию), с самых начальных времен своего «раздельного существования» непрестанно воевали друг с другом, сначала каменными топорами, потом все более совершенным оружием.

Другое дело – до мировых войн не додумались в силу малочисленности населения и малой связности территорий. Зато во все времена их истории практиковались «набеговые операции». На лодках, верблюдах, слонах и лошадях, позже – на «медузах» и иных биомеханических устройствах. Аннексии территорий и перекройки границ владений тоже случались постоянно, но в детских, с нашей точки зрения, масштабах.

Главное же, они, весьма быстро проскочив период рабовладельческих империй, всерьез и основательно занялись развитием и совершенствованием близкого с нашим аналога феодализма. «Экстерриториальные университеты» у них тоже рано появились, похожие на первые европейские, только, в отсутствие монотеистической религии, там не богословием занимались, а естественными науками.

И «базовую теорию» своего общества разработали, и специалисты по «научному феодализму» имелись, уровня нашего ИМЭЛ²⁴, даже своеобразный партполитаппарат имелся. Основное отличие от нашего варианта политической истории заключалось в том, что этот «феодализм» содержал в себе значительную долю коммунизма, как «первобытного», так и вполне себе «развитого». И войны у них «феодально-го» стиля, а не «капиталистического». Воюют в основном не сами «феодалы», а нижестоящие по «эволюционной лестнице» существа, от «мыслящих» до инсектов, а сами «высочайшие» лишь руководят процессом, принимая участие в боях лишь иногда, тоже по «рыцарскому» типу.

Такой вот парадокс, в изучение которого я влез с азартом и при благожелательной помощи «товарища Мураванго», как я, дурачась, стал звать дуггура, работавшего лично со мной по интересующей меня тематике. «Товарищ» отто-

²⁴ ИМЭЛ (ИМЛ) – Институт Маркса – Энгельса – Ленина (марксизма-ленинизма) – главное научно-теоретическое учреждение СССР с 1921 по 1991 г. Занимался изучением теоретического наследия классиков, а также дальнейшей разработкой м.-л. теории.

го, что он очень напоминал мне одновременно Мао Цзэдуна и Ким Ир Сена, несмотря на рафинированно европеоидную внешность.

Очень симпатичный оказался «высочайший», в годах весьма приличных. В «пересчете на мягкую пахоту», то есть с учетом отличий в длине суток и скорости вращения по орбите (да, именно так, Земля-два имела отличные от нашей Земли характеристики, приближаясь по ним к Валгалле), было ему где-то под сто лет. Но выглядел он на пятьдесят здорового и занимающегося атлетическими видами спорта человека.

Насчет их топонимики, напоминающей кванговскую²⁵, и астрономических характеристик планеты я его спросил, не есть ли их Земля этакой аллотропией²⁶ нашей и Валгаллы-Таорэры одновременно. Коллега (а он тоже имел аналогичное моему образованию и ученую степень) сказал, что над этой проблемой никогда не задумывался, но имеющиеся материалы исследования культуры квангов (у них они называются, естественно, по-другому) указывают на определенное сходство и культур, и языков, но это, очевидно, скорее кон-

²⁵ См. роман «Одиссей покидает Итаку».

²⁶ В химии аллотропия – существование одного элемента в виде двух или более простых веществ, иногда принципиально отличающихся признаками и свойствами. Например – уголь-алмаз-графит, разительно несхожие вариации углерода. Здесь Новиков подразумевает, что названные три планеты являются тремя вариантами существования одной и той же *исходной*.

формные аналоги²⁷, нежели родственные связи. Но вот способ проникновения у дуггуров что на нашу Землю, что на Валгаллу один и тот же. А какой именно – Мураванго не имел понятия. Классическое – «Извозчики довезут».

После того как мы прибыли на Азоры, где у дуггуров располагался комплекс учреждений (условно говоря), осуществлявших определенную координацию совместных действий всей популяции «высочайших», нас, после краткой ознакомительной беседы со всем синклитом, распределили по секциям. Сами собой всплывают полузабытые термины советских времен, когда часто приходилось бывать на всевозможных семинарах и конференциях по обмену опытом.

Руководство решило, что раз уж мы сюда проникли и наше человечество к ним серьезных, имеющих силу «казус белли», претензий не имеет, то и психологически, и экономически будет выгодно, если мы сможем поближе познакомиться друг с другом, обменяться информацией, интересующей каждую из сторон, и в итоге заключить нечто вроде «Декларации о недопущении столкновений судов на море». То есть из самого предварительного обмена мнениями следовало, что вылазки свои (или – грабительские набеги) они на Землю и Валгаллу прекращать не собираются, но готовы

²⁷ Конформность в биологии – приобретение неродственными видами биологических объектов определенных внешних качеств, вызванных сходством условий окружающей среды. Например – дельфин и акула.

сделать все, чтобы их и «землян» интересы не пересекались в пространстве и во времени.

Каких-либо «верительных грамот», подтверждающих нашу правомочность говорить от имени всей планеты и заключать любого рода соглашения, никто от нас не потребовал. Скорее всего, на их «толерантность» очень повлияло присутствие в нашей команде Антона и двух андроидов. Со своими возможностями в «психотехнике» они мгновенно убедились, что форзейль человеком не является и его ментальные характеристики значительно превосходят таковые что у людей, что у дуггуров. И если «Галактическая цивилизация» на самом деле заинтересовалась нашим мирком, имея в нем какие-то свои интересы, то лучше без толку в бутылку не лезть.

Ну а Артем с Аскольдом подтверждали наше неоспоримое техническое превосходство, поскольку ничего равноценного они роботам противопоставить не могли, да и вообще не очень понимали, что те собой представляют. А кроме того, сразу поверили, что мы в состоянии переправить на их территорию неограниченное количество андроидов, страшных как раз «искусственным мозгом», абсолютно не реагирующим ни на какое «волновое воздействие», и по любым параметрам превосходящих что самих «высочайших», что наиболее мощного «монстра». О том, что андроиды на самом деле полные аналоги их «мыслящих», только во много раз более универсальные, они пока не догадывались.

Значит, подтвердились наши расчеты на справедливость

суворовской максимы: «Смелость города берет». Взяли, внаглую прилетели в логово экзистенциального врага и пока живы. Принимают, и даже с уважением.

Какое-то время мы с «товарищем Мураванго» согласовывали мои имевшиеся в ноутбуке карты Земли с теми, которыми пользовались они. Меркатора в их истории, конечно, не имелось, привычной системы координат – тоже, и то, что они называли картами, выглядело, на мой взгляд, достаточно дико. Особенно учитывая, что и магнитные полюса у них в других местах расположены, и меры длины у дуггуров отнюдь не метрические.

Но кое-как разобрались.

Помещение, в котором мы работали, находилось на одном из верхних этажей громадной восьмиугольной каменной башни, высящейся на склоне скалистого хребта, сплошь, за исключением гранитных ребер и щебенчатых осыпей, покрытого дремучим, на вид совершенно непроходимым лесом. Напротив, на мысу, проецируясь на синее с полосками облаков небо и еще более синий океан, высилась небольшая куполообразная гора. Ее вершина находилась как раз на уровне окна, сквозь которое я на нее смотрел. Красиво, черт возьми. Умеют же устраиваться люди!

У нас что-то подобное можно увидеть только на Курилах, а прочие острова, Соловецкие, например, или Валаам, такого праздничного настроения не создают. Совсем другое у них предназначение.

А вообще оказались мы на центральном острове архипелага, Сан-Хорхе, как он у нас называется, похожем на узкий иззубренный клинок, брошенный на синее бархатное полотнище океана. На мысу, прямо под нашей башней, должен был бы располагаться курортно-рыбачий городишко Велаш. Но здесь на его месте сплошным покровом растелились дремучие темно-зеленые дебри. Только выделялась ярко-желтая полоса многокилометрового пляжа, с двух сторон отороченная зеленой бахромой леса и бело-синей прибойной полосой. Судя по ровной, с высоты кажущейся неподвижной кромке пены, накат там довольно приличный. Серфингом вполне можно заниматься.

Снова непреодолимо захотелось искупаться в этой немислимо чистой для нашей Земли воде. Каламбур получился, или как?

Чтобы избавиться от соблазна (а то ведь потребую прямо сейчас, чтобы меня доставили на берег), спросил у Мураванго, как здесь насчет акул и прочей хищной морской фауны, и вообще, развиты ли у них водные виды спорта?

Почему-то я совсем не удивился, получив положительный ответ на первый вопрос и отрицательный на второй. Акулы, по словам моего куратора, это еще довольно безобидные существа. Имеются в океане рыбообразные, моллюски и членистоногие, опаснее стократ. Одна из медуз, например (типа нашей «кубоидеум», живущей в Охотском и Японском морях), убивает человека одним прикосновением в девяноста

случаях из ста. Есть еще всякого рода рачки, заменяющие в океане пресноводных пираний, способные обглодать даже крупное животное до костей. Спасает остальную водоплавающую фауну только особо прочная чешуя, кожа и избыток рыб, этими рачками питающихся, словно киты – планктоном.

Относительно же спорта подтвердилась наличествующая и в нашей истории закономерность – кроме полинезийцев, ни один первобытный народ до спорта не додумался. Например, горцам, хоть кавказским, хоть андским, в голову не пришло за тысячелетия заняться альпинизмом. До верхней границы альпийских лугов добирались, а дальше зачем? Только европейцы, а конкретно – греки, перевели физические упражнения из занятия чисто утилитарного в некое развлечение. Правда, после древних греков потребовалось еще две тысячи лет, чтобы вернуть идее спорта утраченные в «темные века» позиции.

Точно так и «высочайшие» не баловались даже плаванием, ограничиваясь купанием в бассейнах, а весь их атлетический облик происходил от генетики и каждодневных упражнений, не носящих характера соревнований. Соревноваться друг с другом, притом с «нулевой суммой»²⁸, считается среди «высочайших» делом предельно недостойным. На это у них имеется неограниченное количество «низших».

²⁸ «Игра с нулевой суммой» – такая, в которой выигрыш одного означает полный проигрыш другого. Принцип – «Победитель получает все».

Два феодала могут вести долгую кровопролитную войну за какой-то материальный или моральный интерес, но после достижения одним из них цели или просто исчерпания ресурсов для войны понятие «победы» или «поражения» не используется. И «высочайшие» во врагов не превращаются, следующая «война» по умолчанию никак не связывается с результатами предыдущей.

Есть в этом что-то от рыцарских турниров, а поскольку цивилизация дуггуров сформировалась раньше, чем возникла такая культура, то здесь ближе аналогия с поведением большинства высокоорганизованных млекопитающих. Никакая драка не предполагает нанесения противнику «неприемлемого ущерба». Бой прекращается после вполне символического изъявления покорности. Как и у нас, рыцарь, вылетев из седла, отдавал победителю свой доспех и коня, но уроном его чести сей факт не считался. Они тут же могли сесть за общий стол и приступить к пиршеству. До следующего поединка.

Иначе при весьма ограниченном количестве феодалов их цивилизация давным-давно исчезла бы за исчерпанием мобилизационного ресурса.

Достигнув полного взаимопонимания со своим куратором, я погрузился в документы и материалы, которые мне сочли возможным предоставить. Кстати, у них при крайне ориентированной в сторону биологии и бионики науке механических достижений тоже хватает.

С задачей удобного и компактного хранения текстовой информации, неподвижных и движущихся изображений они справились вполне успешно лет на тысячу раньше нас, но так на этом, соответствующем приблизительно середине нашего XX века уровне и остались. Потому как незачем дальше лошадей гнать. Это примерно как если бы у нас в архивах хранились фотоснимки фронтовых корреспондентов, сделанные в походах россичей на Царьград или в ходе битвы на Калке, причем тем же самым «Зенитом» или «Зорким», что и сейчас работают.

Честно сказать, происходящее с нами мне нравилось. Снова, как в молодости, я занимался делом, к которому был привержен и приспособлен, а самоощущение не сильно отличалось от того, что было, когда я в двадцать шесть лет впервые очутился на «диком Западе», да еще и в самых экзотических его местах. Контраст не намного меньший получился, чем я сейчас наблюдаю.

И Антон вернулся к основной профессии. Все ж таки большая разница – состоять непонятно в каком качестве при охолтелой компании землян, с которыми свела судьба и она же наградила жалкой участью невозвращенца²⁹, или опять

²⁹ Был в советские времена такой термин для обозначения не просто эмигрантов, тем или иным путем выехавших за пределы СССР, а должностных лиц, посланных в загранкомандировку и решивших на Родину не возвращаться. Данный поступок почти всегда приравнялся к государственной измене, тем более что в большинстве случаев так оно и было.

обрести свой высокий дипломатический ранг. Пусть и на время.

Беда Антона заключалась в том, что после ареста в своей Метрополии и осуждения на пожизненный срок он в глазах Замка как бы потерял авторитет. Или не Замка в целом, а его адаптированной к условиям работы на Земле субличности. Форзейль перестал быть представителем некоей высшей воли, служить которой Замок изначально был предназначен.

Исполнять по привычке просьбы, пусть даже облеченные в форму команд, Замок соглашался, но видно было, что все это только имитация, наглядная демонстрация поговорки: «Привыкла собака за возом бегать».

Согласен, что все это только мои домыслы, где уж среднему уму постичь тайны взаимоотношения «галактов», как подобных экземпляров назвали в каком-то романе давних времен. Но с моей точки зрения, треугольник Замок – Антон – Арчибальд расшифровывался именно так.

Но не в этом дело. Оказавшись здесь, Антон как бы вынул из шкафа и снял с плечиков свой мундир «Тайного посла» со всеми нашивками, погонами и регалиями, почистил щеточкой, надел, повернулся несколько раз перед зеркалом и решил, что все адекватно. А также и аутентично³⁰.

Он был представлен господам Туливару и Манакара, судя

³⁰ В данном случае «адекватный» (*лат.*) – «вполне соответствующий», «аутентичный» (*греч.*) – в дипломатическом языке – «подлинный», равнозначный оригиналу (текст договора, например, составленный на двух языках).

по всему, специалистам по контактам «Дуггурляндии» с нашей Землей. Языками, что русским, что основными европейскими, они владели более чем свободно. Обычно такая степень недоступна даже среднестатистическому большинству «носителей». Но как раз такая давалась что форзейлианскими, что аггрианскими обучающими программами. Что наводило на очередные размышления. О самостоятельности дуггуров как варианта автохтонной³¹ цивилизации.

Возможно, они такой же продукт упражнений ныне живущих или ранее существовавших Держателей, как половина рас, входящих в Союз Ста миров. Или даже – генетический мусор, побочный продукт более удачных экспериментов, оставленный существовать просто из любопытства – «а, может быть, и из этого получится нечто познавательное или поучительное».

Кстати, еще во время обучения Антона в своих спецшколах и на спецкурсах повышения квалификации значительная часть курсантов регулярно задавалась вопросом, почему именно Земля занимает столь уникальное положение между Союзом и Конфедерацией и по какой причине она давным-давно не отошла к той или другой стороне. Захватить ее силой или обменять на что-то полезное проблем бы не составило: целые Звездные скопления неоднократно переходили

³¹ Автохтонный (*греч.*) – существующий на месте своего первоначального возникновения. Употребляется в геологии (по отношению к горным породам), биологии (к флоре и фауне) и т. п.

из рук в руки.

На что Антон, как и множество его старших и младших коллег за доступные обозрению века, получал один и тот же ответ: «Так установлено Держателями и записано в Гиперсети». То есть и Конфедерация, и Союз имели право лишь на весьма ограниченный круг этнополитических экспериментов во всем секторе Гиперсети и Мирового эфира, где хоть в малейшей степени ощущалась вибрация, производимая всем пучком связанных с Землей (и Солнечной системой в целом) реальностей.

Зачем и почему это было установлено так, а не иначе – вопрос из разряда «для чего закон всемирного тяготения» или «почему смерть необязательна, но неизбежна, как пересечение кривых в неевклидовых математиках».

Туливар и Манакара для общения с «господином Тайным посланцем» избрали еще одну башню над двухсотметровым обрывом к океану, где не только имелось все необходимое для их специфической работы, но и прекрасные помещения для медитаций. Это занятие было для Антона столь же обязательным даже в его человеческой ипостаси, как утреннее посещение умывальника и туалета для большинства культурных людей.

Антон сразу же, образно выражаясь, вручил коллегам из дуггурского МИДа особые «ментальные верительные грамоты», по которым любое разумное существо в обеих галактических сверхсистемах автоматически узнавало в «Тайных

послах» лицо экстерриториальное и неприкосновенное. Это «заклинание» (можно и так выразиться) действовало с одинаковым эффектом (но используя, конечно, разные психофизиологические механизмы) что на очень негуманоидных и слабо цивилизованных обитателей системы звезды Протион, что на эсэсовский патруль на улицах оккупированного Копенгагена, где Антону пришлось провести некоторое время в ту войну.

Знание этой формулы давалось пожизненно, и Антона не лишили прерогатив «Тайного посла» даже по приговору о «покаянии и просветлении». Только вот, отбывая срок в «одиночке», он не имел возможности этой способностью воспользоваться для побега. Те сущности, что оберегали его покой, к разумным существам не относились, а судьи имели иммунитет к подобным вещам.

Вот и эти «высочайшие» немедленно все поняли и прониклись. Им только хотелось узнать как можно больше о Союзе Ста миров, как о невероятной форме сосуществования бесконечно отличных друг от друга разумов, связанных исключительно моральными узами, без всякого участия магии или замены свободного мышления инстинктами любой степени сложности.

Сама идея возможности такого мироустройства настолько их поразила и захватила, что вопросов о том, что именно нужно «Трижды высочайшим» от Земли, хоть первой, хоть второй, и почему они явственным образом выступают на сто-

роне одной из них, даже не возникло. Поначалу.

Антону пришлось положить времени и сил ненамного меньше, чем потребовалось бы для разьяснения Чингисхану сути и способа функционирования современного Евросоюза. И не потому, что дуггуры стояли примерно на той же стадии не интеллекта, а нравственности, как и «Потрясатель Вселенной», а чисто по Козьме Пруткову: «Многие вещи нам непонятны не потому, что наши понятия слабы, а потому, что сии вещи не входят в круг наших понятий».

Однако более или менее доступно большинство постулатов существования галактических сообществ Антон «коллегам» разьяснил.

Сам же Антон с удивлением узнал, что по отношению к «Земле людей» дуггуры полной и развернутой информацией не располагали. Причем не потому, что не имели такой возможности технически. Все было опять же по Пруткову. Какую-то часть человечества, с какой им на протяжении тысячелетий случалось контактировать, они относили к разновидности «высочайших», прочими же просто не интересовались, как и сутью «технологической цивилизации». Так фасеточные глаза насекомых не формируют привычной нам целостной картинки внешнего мира, однако позволяют в нем вполне удовлетворительно ориентироваться.

По необходимости приходилось причислять к «высочайшим» некоторую часть женщин, что они похищали или «вербовали» на Земле. Но об этом я напишу позже, когда дойду

до материалов, изученных Скуратовым.

Самое же главное – работали с Землей «экспедиционно» (постоянных баз там за тысячелетия так и не было создано) и исключительно «мыслящие» разных специальностей, «по направлениям». Единого министерства или департамента соответствующей специализации не имелось. А самые подготовленные узкие специалисты ни к каким обобщениям и даже элементарному обмену систематизированной информацией способны не были.

«Высочайшие» же, регулярно участвовавшие в «охоте на женщин», получали от «специалистов» примерно столько инструкций и полезных сведений, что и приезжавший в Африку в середине позапрошлого века охотник на слонов и бегемотов – об истории, культуре, этнографии и политическом устройстве «черного континента» от своих туземных проводников.

Регулярно доставляемые с Земли «жены и наложницы» в качестве источников полезных сведений также не рассматривались, да и в массе своей едва ли могли что-то осмысленное донести до интересующихся совсем другими проблемами самцов. Турецкие султаны, например, имея в своих гаремах женщин десятков наций и народностей, «политсеминаров» с ними не устраивали.

Совсем немного времени потребовалось Антону, чтобы утвердиться в мысли, не раз уже нас посещавшей, – дуггуры нам не соперники и даже не враги в широком смысле. Како-

го-то системного, организованного вреда они нам причинить не могут и уж тем более не в состоянии вести сколько-нибудь регулярную войну.

Но это, конечно, не означало, что им можно позволить бесчинствовать даже в достаточно ограниченных пределах.

В общем-то выходило так, что многотысячелетний фольклор самых разных наций и народов Земли имел под собой реальные основания, отражавшие те или иные аспекты контактов с дуггурами. И как раз в силу разрозненности и бессистемности их действий у человечества с древнейших времен так и не получилось понять суть и смысл происходящего. Свидетельства очевидцев и даже попадавшие в руки людей (как правило, без научной подготовки) отдельные артефакты все время трактовались по разным линиям и с разных позиций. Что-то, казавшееся той или иной группе наблюдателей особо важным, включалось в теоретический багаж основных религий, и тоже без увязки отдельных фактов в стройную систему. Дальше всех, пожалуй, пошли древние египтяне и греки (да они и по времени были ближе к точке бифуркации). Причем египтяне оказались способны воспринять одну из сущностей, а греки – совсем другую.

Жителям страны Та-кемт чем-то понравилась идея о загробной природе всего, связанного с посещением Земли дуггурами. Отсюда вырос и уже свой собственный культ мертвых, и мифология, и даже поэзия. Очень возможно, что кому-то из одаренных талантом египтян довелось побывать на

«Земле-2», и они породили целое литературное направление, всячески воспевающее посмертие. Ни у одного из современных им и последующих народов нет такого романтически-приподнятого и одновременно крайне практичного отношения к встрече со смертью. Христианам и мусульманам до этого далеко, они идеологизировали совсем другие аспекты потустороннего.

Иудаисты – те вообще, кажется, оставили тему посмертного существования за кадром, зато тщательно зафиксировали моменты, когда «высочайшие» предпочитали именно древних евреек. А потом кого-то из них (возможно, вместе с детьми) отпускали обратно. От этих «репатриантов», возможно, «сыны Израилевы» и набрались идей об «избранности» своей народности³², а также о всяких там «скрижалях», «заповедях». И тысячу предписаний и запретов почерпнули оттуда же, отнесясь к столь полезным «родственникам» со всей серьезностью и должным пиететом.

А вот древние греки, в соответствии со своим практичным, но достаточно «раздолбайским» (прошу прощения, но лучшего эпитета подобрать не сумел) характером на основе подлинной информации о контактах с дуггурами, создали почти всеобъемлющую мифологию, опять же сосредоточив внимание на сексуальных взаимоотношениях своих дам

³² Под марксистско-ленинское определение «нации» галутные евреи не подходят абсолютно по всем критериям. Но о складывающейся «израильской» нации говорить уже можно. Как в свое время о «новой исторической общности – советском народе».

и девиц с дуггурами всех категорий, не только «высочайшими». Оттуда и взялись всякие сатиры, протей и иные не совсем гуманоиды, густо населяющие всеми нами неоднократно читанную в детстве книгу Куна «Легенды и мифы Древней Греции». Лично у меня было подарочное, богато иллюстрированное издание, где половина картинок была как раз «про это».

Чтобы не распространяться, достаточно отметить, что и все сказки и былины про всяческую нечисть и нежить отражают систематическое проникновение дуггурской агентуры на Землю и непременно фиксируют внимание на том, что «чудища», «драконы», «идолища поганые» и прочие непременно требуют с людей, к каким бы расам они ни принадлежали, жертвоприношений непременно девственницами. Разнится только количество – одно «чудище» довольствовалось одной раз в год, а другие устраивали целые похищения сабинянок. То есть захватывали девиц сразу сотнями и тысячами.

Но это я опять вторгся в сферу исследований Виктора. Впрочем, он в основном изучал современное положение экспортируемого с Земли контингента, так что наблюдения Антона здесь более к месту.

Переходя к временам новым и новейшим, ознаменованным эпохой Просвещения, развитием капитализма и «машинного производства», «превращением науки в непосредственную производительную силу», продолжающиеся кон-

такты с дуггурами приобрели и научнообразные объяснения. Все предыдущее было объявлено неспособностью людей прошлого давать рациональные объяснения явлениям природы. Зато с девятнадцатого века «рациональные объяснения» посыпались как из рога изобилия (тоже когда-то подсмотренного кем-то из «попаданцев» в «Дуггурляндию»).

Особенно раздольно почувствовали себя уфологи. Абсолютно каждый контакт ложился весомым камнем в их теории. Пирамиды, математика, рисунки майя, «зеленые человечки» и наскальные портреты разных видов «мыслящих» и иных категорий «соседей» – все шло в дело. Но, самое главное: очень плохо, а часто и никак это не объяснялось «официальной» наукой. Отрицать некоторые факты, а тем более – артефакты, было невозможно. С материалистических позиций объяснения выходили чересчур натянутыми, поэтому большая часть следов пребывания на Земле дуггуров даже и в наши дни просто игнорировалась. Как метеориты Парижской Академией наук: «Камням на небе взяться неоткуда».

То есть не вмешайся мы, точнее – не обрати на себя внимание неких дуггурских спецслужб своей выходящей за рамки их обычных представлений деятельностью, все продолжалось бы заведенным порядком неизвестно до каких пор.

Что интересно – Антон мне признался, – по его ведомству дуггуры не проходили. Он знал о существовании такой цивилизации, но не имел указаний ее разрабатывать, а, возможно, получил как раз прямой запрет касаться данной те-

матики. То же и у Ирины с Сильвией. На их уровне дуггуры тоже как бы не существовали, но сам термин был им известен. С негативной окраской причём. Будто бы некий «хока», о котором знают все дети, но описать и разъяснить его вряд ли сумеют. А вот Даяна наверняка знала побольше, отчего ее совсем не удивило вторжение дуггурских мародеров на ее бывшую Базу, а инсектов и «медуз» – в Учебный центр.

Выяснением этих «межрасовых» тонкостей я обязательно займусь, но уже по возвращении домой. Интересно бы устроить очную ставку между аггрианкой и форзейлем.

«Изучив» (или точнее будет – «рассмотрев») историю взаимоотношений дуггуров с землянами в их трактовке, господин «Тайный посол» на следующий день (а всего Антон работал с «дипломатами» больше недели) вынес свой вердикт. В присутствии, само собой, всех членов нашей делегации. А также и слетевшихся с разных концов планеты двух десятков «высочайших», облеченных какими-то полномочиями представлять от лица неприбывших или недостойных иметь право голоса в этом «сходняке»³³.

Вначале он долго перечислял утомительное множество Галактических законов, соглашений и прецедентов, касаю-

³³ Почему бы не использовать данный специфический термин, если «верховная власть» у «высочайших» должным образом не конституирована, а «условно обязательные» для всех решения принимаются как раз на основании логики, риторических способностей участников и каждый раз подлежащих переосмыслению «понятий», за исключением нескольких базовых.

щихся взаимоотношений между любого рода межпланетными и межзвездными ассоциациями разного уровня, вплоть до высших на сей день структур – Союза и Конфедерации.

Он переигрывал немного, конечно, но так же было видно, что сейчас он чувствует себя «в своей тарелке». Ему нравилось ощущать себя в этой роли и функции, как Берестину нравилось командовать армиями, а Сашке – играть в Берию, Гейдриха и Канариса одновременно.

Антон объяснил, что все сказанное касается и столь неординарного случая, как наш, то есть отношений между расами, возникшими путем образования в одном Узле Гиперсфери двух параллельных, но не тождественных самим себе Исторических Последовательностей.

Это он завернул даже чересчур. Вроде персонажа одного из рассказов Шукшина. Но – прозвучало.

И в качестве вердикта было вынесено решение единоличное, но оглашенное от имени того же пресловутого Союза Ста миров и, следовательно, для цивилизаций, хотя бы и не входящих в сей Союз, но находящихся в сфере досягаемости, а следовательно, и юрисдикции, обязательное.

– В случае несогласия с данным вердиктом любая из сторон вправе апеллировать к совместному Арбитражному суду Союза и Конфедерации, для чего законные представители должны лично явиться на... (он назвал официальные галактические координаты одной из самых близких административных планет Союза) или... (Антон огласил координаты ка-

кой-то из аггрианских систем, о которых даже мы не имели никакого представления).

На вопрос одного из «высочайших», каким образом туда можно добраться и как вообще должен выглядеть визит официального представителя в организацию, о которой не известно ровным счетом ничего, Антон ответил, что предварительно каждой из представленных здесь цивилизаций следует подать заявление о вступлении либо в Союз, либо в Конфедерацию. Заявление будет в установленном порядке рассмотрено и, в зависимости от решения «надлежащих инстанций», удовлетворено или отклонено. Но вынесенный сегодня вердикт должен исполняться немедленно, вплоть до момента, когда таковой будет признан действительным или отклонен, а взамен него принят другой.

Я и не догадывался, что Антон столь блистательный бюрократ. С нами он всегда держался или запанибрата, или на равных.

Вопрос о способе проезда к месту принятия апелляции и заявлений форзейль проигнорировал, а Шульгин «с места» подсказал: «За свой счет».

Наконец Анказуabu, который здесь председательствовал (по-моему, просто потому, что он был инициатором и организатором этой «Потсдамской конференции»), поинтересовался сутью вердикта. А то, может быть, не стоит и огород городить?

Антон перешел к сути. Ничего сверхъестественного и

чрезвычайного в этом документе не было. После полутора страниц рассуждений в вышеприведенном стиле резюмировалось, что обе высокие договаривающиеся стороны, руководствуясь принципами... (ля-ля-ля), добрососедства и невмешательства в дела друг друга должны учредить совещательный орган для разрешения мирным путем всех возникающих проблем.

Дуггуры (тут использовалось официальное, очень длинное и маловразумительное наименование их псевдогосударственного образования) отныне обязываются без предварительного уведомления не проникать на занимаемую землянами Главную Историческую Последовательность и находящиеся под их протекторатом такие-то параллельные реальности (названо, какие именно, в понятных дуггурам терминах). Земляне, в свою очередь, брали на себя обязательство любое посещение «Дуггурляндии» согласовывать с представительством «высочайших», имеющим постоянное базирование на о. Корсика (он же – Мзимборендже). Согласованным сторонами способом.

В случае нарушения данного вердикта, который должен быть контрассигнован двухсторонним соглашением, составленным и оформленным в ближайшее время, он, «Тайный посол» такой-то, от имени Союза вправе принять все необходимые меры вплоть до полной блокады цивилизации-разрушительницы в занимаемом ею секторе Гиперсети без права покидать пространственно-временной ареал своего оби-

тания.

То есть, выражаясь в терминах девятнадцатого века, – «Строгий домашний арест с приставлением часового».

Нас-то это не касалось никак, мы на дуггурскую территорию никогда не лазили и не собирались впредь, а вот им...

После того как Антон «поставил точку», было много шума, как в парламенте какого-нибудь малокультурного псевдогосударства. Только что без мордобоя, потому как не имелось подходящего объекта. Формально наша Земля в строго аналогичном положении – объект влияния посторонней сверхцивилизации.

Господа «высочайшие», собственно, волновались по одному только поводу – свободе доступа к нашему «генетическому материалу» вообще и женщинам «как полноценным биологическим объектам» в частности. Примерно такие дебаты кипели в английском парламенте по вопросу запрета работорговли в тысяча восемьсот седьмом году.³⁴

Антон предложил председательствующему взять день-другой, а если потребуется, то и больше, для прений и достижения консенсуса, который не может быть ничем иным, как уже оглашенный вердикт. Наша же делегация, возраже-

³⁴ А еще «европейцы» называют себя культурными! Англия запретила работорговлю в 1807-м, само рабство – в 1833 г. САСШ отменили рабство в 1865-м (причем в штате Миссисипи – официально только в 2013-м (!). В Российской империи рабства не было никогда, а крепостное право (что совсем не равно рабству, были и крепостные-миллионеры!) отменили на 140 лет раньше, чем в «цитадели демократии».

ний против решения «Тайного посла» не имеющая, выразила желание совершить экскурсию по планете, а также лично познакомиться с кем-либо из земных женщин русского происхождения, добровольно, по их словам, выбравших себе «Дуггурляндию» в качестве новой родины.

Вопрос этот был поднят по предложению Скуратова, достаточно успевшего погрузиться в проблему, которому требовались теперь объективные подтверждения целого ряда гипотез исследования.

Смысл в этом, несомненно, был – убедиться кое в чем самолично. Разумеется, как бы там ни обстояли дела на самом деле, доброволен этот многотысячелетний процесс пополнения дуггурского генофонда или имеет место тоже многократно зафиксированная в истории практика похищения невест из отдаленных племен с той же целью – ничего из уже сделанного мы изменить или отменить не могли.

Не стоит воображать душещипательные картины спасения русских пленниц из турецких гаремов нашей победоносной армией или героями-одиночками. Или же организацию репатриации после войны угнанных на работы в Германию. Это в наши задачи не входило, особенно если учесть, что во всех упомянутых случаях значительное количество «жертв» категорически на покинутую родину возвращаться и не хотело. По разным причинам.

То, что эта практика с нынешнего времени прекратится и партнерш себе дуггуры смогут добывать только из неосво-

енных нами реальностей, – уже хорошо. Хотя тоже является благом весьма относительным. Вкусы-то у всех разные, и в нынешней России достаточно девиц и почтенных дам, ищущих и находящих себе мужей среди граждан самых диких африканских и азиатских стран. Не зря ведь кто-то из древних мудрецов сказал: «Делай добро только, когда тебя действительно об этом попросят»!

В этом месте, если бы я писал пьесу, следовало бы сделать ремарку: «Автор в бессильном отчаянии заломил руки».

В итоге хозяева согласились на наше ознакомительное путешествие по планете, если пожелаем – даже кругосветное. В ходе него были обещаны и встречи с соотечественницами, добровольные и даже принудительные, если жены и их владельцы вдруг не изъявят своего согласия. Но нас заверили, что такое едва ли возможно.

Из всего этого мы сделали вывод, что чрезмерной закрытостью общество «высочайших» не страдает, а предстоящие дебаты «палаты лордов» обещают быть весьма продолжительными. Почему и предпочтительно нас на это время отправить куда подальше. Чтобы под ногами не путались и не имели возможности оказывать давление на «народных избранников».

Само путешествие описывать не буду, достаточно имеется видеофильмов, которые снимали все и почти постоянно, из обычной туристической привычки. Прекрасно понимая, что едва ли эти гигабайты информации будут когда-нибудь вос-

требованы, дай бог сотую долю отснятого друзьям и подружкам показать. Вот если создать при Правительстве РФ Министерство по делам «Дуггурляндии», тогда вся наша видео- и аудиопродукция сгодится в качестве учебного и рабочего материала.

Сопровождали нас двое «высочайших», для придания поездке официального статуса, и четверо «мыслящих», специалистов в разных отраслях экономики и культуры, владевших русским языком.

Пока мы летали на все той же роскошной «медузе» премиум-класса по островам и континентам, останавливаясь непременно в поместьях очередных феодалов, поскольку отельный бизнес здесь не развит совершенно, Сашка со Скуратовым просвещали нас в отношении и биологических, и социологических тонкостей местной «сексуальной культуры», что ли. Но эта «культура» есть лишь малая часть дуггурской репродуктивной системы как таковой.

Мы обо многом догадывались не то чтобы инстинктивно (здесь это звучит довольно двусмысленно), но просто в силу привычки размышлять и сопоставлять факты и гипотезы, по их поводу возникающие.

В результате многотысячелетних экспериментов с собственным биологическим материалом, а также и теми изменениями солнечного спектра, о которых я уже упоминал, протодуггуры ухитрились включить механизм мутагенности, намного превосходящий любые достижения нашего

человечества в кошко- и собаководстве. О чем говорить, если у них успешно получались не только межвидовые, а и межклассовые, даже межтиповые скрещивания³⁵.

Собственно, таким путем они вывели огромное количество «отрядов и подотрядов» всевозможных инсектоидов. Мы удивлялись, как может существовать насекомое размером с большую собаку, хорошо зная, что дышат они так называемыми «трахеями», отчего не могут превышать размеров большого паука или стрекозы. Прочим не хватает кислорода для жизнедеятельности. А выведенные дуггурами «химеры» могли и иметь легкие, и сочетать несочетаемые виды мускулатуры и иных тканей, органов и систем.

Все это с научной, да и практической точки зрения было крайне интересно, особенно когда они начали экспериментировать на себе, произвольно наделяя и затем фиксируя в генотипах нужные им признаки. На самом деле зачем ловить где-то рабов, усмирять тех, кто усмирению поддается, затем обучать разным профессиям, чтобы общество могло нормально функционировать, обеспечивая элиту потребным (или – вообразимым на этом уровне) комфортом? Не проще ли сразу выводить врожденных специалистов всех

³⁵ Биологическая классификация делит все более-менее живое на земле на таксономические ранги. В самом общем приближении считается, что их семь (но некоторые ученые насчитывают несколько десятков). Высший – царства: животные, грибы, растения. Низший – виды: заяц-беляк – заяц-русак. Что такое межтипное скрещивание – можно представить жизнеспособный гибрид членистоногого (в т. ч. насекомые) и хордового (к которым относятся и рыбы, и люди).

требуемых профилей?

Не вдаваясь в подробности, скажу, что затея увенчалась полным успехом. Включая один непредусмотренный штришок. Который при должном внимании можно было подсмотреть в природе, кою они столь усердно копировали и изменяли. Мичуринцы-лысенковцы!³⁶

Штришок этот называется – половой диморфизм. Если совсем просто (даже я это знал без всяких биологов) – в живой природе существует такое явление, как отличие самцов и самок одного и того же вида, иногда не слишком значительное, чисто внешнее, как у льва и львицы, павлина и павлинши, а иногда просто разительное, например, у некоторых видов пауков. И по размерам, и даже по внутреннему устройству и поведенческим признакам.

Вот и наши селекционеры-дуггуры что-то такое сотворили со своими наследственными механизмами, почти по сакральной фразе, использованной Стругацкими как пример

³⁶ Мичурин И.В. (1855-1935) русский советский биолог-селекционер, автор методики отдаленной гибридизации плодовых растений и известного лозунга: «Мы не можем ждать милостей от природы. Взять их у нее – наша задача!» Лысенко Т.Д. (1898-1976) – советский ученый, агроном, академик, президент ВАСХНИЛ, Герой Соц. Труда. Создатель антинаучной концепции наследственности, изменчивости и видообразования, наследования приобретенных признаков и перерождения одних видов в другие (т. н. «мичуринское учение»). Пользовался неограниченной поддержкой Сталина и Хрущева за обещания десятикратно увеличить урожайность всех сельскохозяйственных культур. Лауреат 3 Сталинских премий. После отставки Хрущева «разоблачен» и лишен всех постов и званий.

наукообразного абсурда: «Рецессивная аллель влияет на фенотип, только если генотип гомозиготен». На самом же деле это просто пример лемовского металанга, языка высшего, по сравнению с общеупотребительными, уровня, и чтобы адекватно донести эту простенькую истину до человека с полным начальным образованием, потребуется минимум несколько суток. Именно адекватно, потому что попросту перевести сию премудрость не так уж трудно: «подавленные, в том числе и вредоносные врожденные, качества проявляются в потомстве только при близкородственном скрещивании». Или как-то так.

В общем, они так перепутали свои «аллели», что при заданном «генотипе» начали получаться бог знает какие «фенотипы». Очевидно, где-то очень глубоко, даже у человекообразных, запрятан ген этого самого деморфизма, а если его активизировать, да еще и стимулировать в нем неконтролируемую мутагенность...

Одним словом, добившись у мужских особей всех запланированных свойств и качеств в «фенотипе», они что-то такое напортачили в самой глубине X- и Y-хромосом, отвечающих за пол особи и имеющих еще другие, до конца человеческой наукой не проясненные свойства, что вместо нормальных девочек у них начало рождаться невесть что. Ни в сказке сказать, ни пером описать!

«Самки» (рука не поднимается написать – «женщины») дуггуров превратились в некий «исходный» типаж «хомо са-

пиенс» – что-то вроде австралопитеков и с таким же примерно уровнем интеллекта. Но вполне способные к репродукции.

И сколько-то там десятков тысяч лет назад господа дуггурры оказались в чрезвычайно неприятной со всех точек зрения ситуации. Чтобы не согнуться с лица Земли, писаным красавцам микеланджеловских и фидиевских статей приходилось использовать для размножения почти что обезьян. Эстетически это малопривно, да и какое нормальное цивилизованное общество можно построить при этом самом деморфизме? Пришлось создавать особую «женскую субкультуру», внутри которой их самки могли существовать комфортно (в своем понимании), не мешая при этом «высочайшим» радоваться жизни в своем кругу.

Да вдобавок мальчишки, рождавшиеся у дуггурлянок («высочайшие» обязаны были, в качестве повинности как бы, своих самок регулярно оплодотворять для элементарного сохранения «социума»), в 30-40 % внешне полностью отвечали требованиям «канона», но уже в третьем поколении начинали демонстрировать явственные признаки деградации, приобретая все более конкретные черты своих родительниц.

Расу дуггуров от деградации и исчезновения спасло открытие методик проникновения в параллельные пространства, где с мономорфизмом было все в порядке. Более того, писанные красавцы и атлеты «высочайшие» не только производили неизгладимое впечатление на еще очень малокуль-

турных человеческих дам, но и потомство от их связей с «дочерьми человеческими» получалось идеальным. Но опять же – только мальчики. Девочек землянки рожали вполне аналогичных самкам дуггуров. Отсюда, наверное, и пушкинское – «Родила царица в ночь не то сына, не то дочь, не мышонка, не лягушку, а неведому зверюшку».

Таким образом вся дуггурская цивилизация уподобилась самолету. Тот летит, пока есть в баках бензин или керосин, эта существует при постоянном притоке «инопланетного» женского генофонда.

Вот и сложилось с течением времени совершенно чудовищное, на наш взгляд, дуггурское жизнеустройство.

Красавцы «высочайшие», подавляя отвращение (а может, и с удовольствием, откуда нам знать?), продолжали регулярно спариваться со своими обезьяноподобными «законными супругами», те старательно ежегодно рожали, пополняя национальный генофонд и поддерживая общую численность гуманоидного населения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.